

Чумной остров

Автор:

Мари Хермансон

Чумной остров

Мари Хермансон

Ток. Национальный бестселлер. Швеция

Национальный бестселлер Швеции от признанного мастера скандинавского детектива.

Один из лучших романов 2021 года по версии шведской Академии писателей криминального жанра.

Гётеборг, 1925 год. Из мутных вод реки Севеон вылавливают труп хорошо одетого мужчины. Тонкая, но глубокая кровавая рана, зияющая под шелковым шарфом на его шее, не оставляет сомнений: мужчину удавили. Удавили очень жестоким и экзотическим способом – гарротой, испанским орудием казни, сдавливающим шею тонкой железной струной...

Несколько лет назад в Швеции уже произошла целая серия подобных убийств. Тогда преступника схватили, признали невменяемым, и сейчас он – единственный заключенный на удаленном острове, прозванном Чумным. Кстати, на том самом острове, где родился и вырос удушенный мужчина... А недавно знаменитый шведский писатель в деталях описал точно такое же убийство в своем романе. И он тоже психически нездоров и находится под круглосуточным наблюдением... на Чумном острове. Неужели заключенный преступник и модный писатель – это один и тот же человек? Старший констебль полиции Нильс Гуннарссон плывет на остров – и находит безумного сидельца там, где ему и положено быть: в изолированной камере под семью замками...

«Хермансон попросту невероятна в работе с фактами и деталями». – Dagens Nyheter

«Она очень хороший рассказчик». – Skånska Dagblad

«Этот роман возвращает к жизни времена, места и людей, которые давно канули в прошлое – и, тем не менее, совершенно понятны и близки нам». – Svenska Dagbladet

«Это чистый драйв». – Aftonbladet

Мари Хермансон

Чумной остров

Marie Hermanson

PESTEN

© 2021 Marie Hermanson.

First published by Albert Bonniers förlag, Sweden.

Published by arrangement with Nordin Agency AB, Sweden

© Шапошникова Т.О., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Шел август 1925 года. Фрекен Брикман сидела на своем обычном месте за стойкой в приемной отделения уголовного розыска на улице Спаннмольсгатан, погруженная в чтение детектива в мягкой обложке с яркой привлекающей картинкой. Часы показывали уже почти семь вечера, но воздух в помещении по-прежнему был теплым и влажным, так что блузка липла к спине.

Прямо посреди фразы ей пришлось спрятать книгу и попрощаться с двумя констеблями, чей рабочий день закончился. Едва за ними закрылась дверь, как она снова достала книгу. История затягивала ее все сильнее.

Слегка раздув ноздри, фрекен Брикман оглядела вестибюль приемной. Смотреть там было в общем-то не на что. Она подумала, что запах исходит из обезьянника – забранного решеткой помещения, куда подозреваемые в неопасных нарушениях помещались в ожидании допроса. Обычно туда попадали бродяги и пьяницы, так что запах и гам, доносившиеся оттуда, иногда становились невыносимыми. Но сегодня из той части отделения не слышалось ни звука. Вероятно, там в пьяном беспросыпе лежал какой-то старый оборванец, подумала фрекен Брикман и вернулась к чтению.

Этажом выше у себя в кабинете за письменным столом работал старший констебль Нильс Гуннарссон. Комнатушка была маленькая, а ее стены выкрашены в коричневый цвет, отчего она казалась еще меньше.

Это был высокого роста, широкоплечий, голубоглазый, соломенноволосый блондин тридцати одного года от роду. Лицо его было слегка обветренным, как результат тех лет, когда он служил в патрульной полиции; а может быть, такое лицо досталось ему от угрюмой родни из провинции Бохуслен. Одним пальцем он неспешно тыкал в клавиши пишущей машинки, записывая сегодняшней рапорт: два случая бродяжничества, кража трех простыней, сохнувших на веревке, и заявление о пропавшей – возможно, украденной – собаке ценной породы.

Внезапно Гуннарссон ощутил присутствие постороннего. Подняв голову, он чуть не подскочил от удивления.

Посреди комнаты стоял паренек, худой и жилистый, с чудаковатым лицом, похожий на лягушонка. Как он вошел, Нильс не слышал. Почему фрекен Брикман послала его сюда, наверх, вместо того чтобы препоручить констеблям внизу?

Он откашлялся и строго спросил:

- Тебя не учили стучать?

Паренек стоял, прижав к груди картуз с околышем, словно щит, в упор глядя на полицейского. Не по размеру большие брюки, обрезанные под коленом, убого держались на веревке вместо ремня. Рубашка оказалась такой грязной, что ее первоначальный цвет было невозможно определить. К тому же он был босым. Паренек указал жестом на дверь.

- Пошли! - почти приказным тоном произнес он.

Нильс едва подавил смешок.

- Откуда тебя принесло? Из Гибралтара?

Под таким названием - Гибралтар - существовал приют для бедных, куда попадали психически больные или умственно отсталые, родственникам которых было не по карману содержать их в более пристойном месте. Найти персонал в Гибралтар было трудно, там всегда была его нехватка. То и дело оттуда удавалось сбежать какому-нибудь психу, и он бродил по городу.

Нильс поднял телефонную трубку внутренней связи, собираясь спросить у дежурного внизу, не получил ли тот запрос на недавно сбежавшего. Звонок он мог слышать эхом снизу, но ответа не последовало. Петтерссон, конечно, отправился на кухню готовить себе гору бутербродов для вечернего дежурства.

Недовольно что-то пробурчав, Нильс положил трубку и, едва подняв взгляд, увидел, как парнишка быстро и бесшумно подскочил к его стулу. К его невероятному изумлению, он положил руку ему на плечо, склонился к нему, так что его лягушачье лицо оказалось в сантиметре от лица полицейского, и снова произнес:

- Пошли, пошли!

Наглость подростка вывела Нильса из себя. Он вскочил со стула и заорал:

- Ну нет, это уж чересчур! Вон отсюда!

Но мальчишку это не испугало. Он еще сильнее затопал ногами.

- Пошли, пошли, - торопил он и махал в сторону двери. - Надо идти. Он мертвый. Вот. - Энергично кивнул. - Надо идти.

- Кто мертвый?

- Пошли!

Парнишку просто разрывало от нетерпения. Его босые пятки топали по полу; он махал кепкой, как будто старший констебль был упрямой коровой, которую надо было выгнать из стойла.

Нильс поглядел на него с проснувшимся интересом. Во всей этой нелепице он заметил что-то, к чему, возможно, следовало отнестись всерьез. Протянул руку к телефонной трубке, чтобы еще раз попробовать дозвониться до дежурного внизу, но передумал. Вместо этого снял с крючка на стене свою шляпу и произнес:

- Успокойся, ты, чокнутый. Я иду.

Они вместе спустились на первый этаж, прошли мимо изумленной фрекен Брикман и вышли на улицу.

Парнишка побежал вдоль канала Эстра-Хамнканален к одной из каменных лестниц, там и сям ведущих к воде.

Небольшая весельная лодка была пришвартована за кольцо к стене канала. Одним бесшабашным прыжком парень перелетел с верхней ступени лестницы прямо в лодку и удерживал ее, пока Нильс не спустился.

- Куда это мы? - спросил тот. Ответа не последовало.

Секунду поколебавшись, он оказался в лодке и сел на корме. Парень отшвартовался и принялся энергично грести.

Он быстро шел выбранным курсом под низкими мостами, не оборачиваясь. Они плыли от слепящего солнца к сумраку под железными влажными сводами и снова на солнце, пока не прошли последний мост и не выплыли на открытую гладь реки. Их окружали лодки всех видов. С моря дул прохладный ветерок.

Нильс подозревал, что они направляются в сторону одного из морских причалов, куда полиции часто приходилось наведываться. Возможно, речь шла о драке с плохим концом или о подвыпившем бедолаге, свалившемся в воду и утонувшем... Но парнишка вместо этого греб дальше на восток, мимо очистных сооружений, газового централа, углехранилищ.

Нильс снова спросил, куда они направляются, но парень не реагировал, как будто ничего не слышал. Он шел все время в одном и том же темпе, не переставая работать веслами ни на секунду. Нильс предложил на время сменить его, но ответа не последовало. Полицейский даже подумал, уж не глухой ли этот мальчик. Это объяснило бы его рубленый стиль разговора. Зато очень сильный, уж это точно... Разумно ли было отправиться с ним в эту поездку, размышлял Нильс.

Река делилась на два рукава у мыса, где, громоздясь, собирался сплавной лес. Когда они приблизились к мысу, парнишка впервые замедлил ход и стал, прищурившись, оценивающе всматриваться в кучу хвороста.

Тут-то Нильс и понял, какого сорта этот парнишка. Он также догадывался, куда они направляются.

В подтверждение догадки паренек выплыл из основного русла и направил лодку сквозь заросли огромных листьев кувшинок вверх по Севеону, притоку реки.

– А, так ты из подбирал? – спросил Нильс.

Парень бросил на него взгляд из-под козырька кепки. Может быть, он вовсе и не глухой...

То, что подбирала добровольно обратился к полицейскому, было удивительно. Нильс не мог припомнить, чтобы такое случалось раньше.

Они продолжали плыть вверх по речушке, мимо складов, шлюпочной верфи, под железнодорожным мостом, мимо фабрики шарикоподшипников. По берегам росла ольха и верба. Теперь мальчик греб медленнее, словно сейчас было ни к чему торопиться, и после каждого гребка позволял лодке скользить почти до полной остановки.

Дело уже подошло к вечеру, но было по-прежнему тепло. Нильс бросил взгляд на свои часы-луковицу. Вообще-то он мог закончить свой рабочий день прямо сейчас. Но старший констебль был там, где был, – сидел на корме лодки, идущей вдоль берегов речушки, спокойно проплывающих мимо. Корни ольхи переплетались как в мангровом болоте; вода была коричневой, непрозрачной.

Гуннарссон попытался припомнить, что знал о подбиралах. Нищие, но гордые, они жили тем, чем другие пренебрегали или теряли. Все, что плавало в море, реках и протоках, они считали своим. А было этого не так уж мало. Такой большой порт, как Гётеборг, исторгал из себя колоссальное количество всякой дряни. В основном это был никчемный хлам, но натренированный глаз мог быстро высмотреть ту или иную «драгоценность».

Один принцип был незыблем: ни одному гётеборжцу в здравом уме не пришла бы в голову мысль выудить что-либо из того, что здесь плавало. Согласно молчаливому неписаному правилу, все, что однажды оказалось в воде, принадлежало подбиралам.

Случалось иногда, что кто-то не мог преодолеть искушение поздним вечером подгрести и выудить несколько отличных, только что распиленных досок, свалившихся с лесовоза. Но под мостами их ждали зоркие глаза, и рискованное предприятие вместо досок заканчивалось расквашенным носом и разбитой губой. Согласно молве, подбиралы обладали сверхъестественными способностями и могли взглядом или магическим заклинанием навести вечную порчу на того, кто не уважал их права.

Еще говорили, что они могли предвидеть будущее и что у них имеются перепонки на пальцах рук и ног. Что они происходили от водяного народца, жившего здесь, когда дельта реки еще была полна жизни: рыбой, птицами, амфибиями и грызунами. Народец, передвигавшийся по топям в маленьких лодчонках вроде каноэ, ловко плавал и переходил реки вброд, не уступая в этом своей добыче. Когда заводи высохли, а разросшийся город лишил их мест охоты, они переместились повыше вдоль водных путей.

Все эти истории – настоящая чепуха, считал Нильс. Подбирали были просто-напросто бедными неудачниками, по той или иной причине отринутыми городом. Но миф о водяном народце не умирал – главным образом стараниями самих подбирал. Теперь, когда Гуннарссон теплым влажным вечером медленно плыл вверх по протоке с молчаливым странным парнишкой, он был почти готов поверить в него.

Зелень плотнее обступила их. Время от времени можно было видеть следы жизнедеятельности людей, в основном что-то брошенное или поломанное: полузатопленную лодку-плоскодонку, проржавевшую в воде цепь, каменную лестницу, странным образом ведущую из непролазных зарослей ивы в темно-коричневую воду. Зброшенные останки того времени, когда речушка была важным транспортным путем. Слышны были лишь скрип уключин да легкий всплеск, когда весла касались воды. Казалось, город находится далеко-далеко. Нильс пытался сориентироваться по изгибам протоки и времени, прошедшему с тех пор, как они покинули реку. Но он понятия не имел, где находится сейчас.

В сумерках они подплыли к месту, где ивы своими длинными ветвями создавали некое подобие зеленого туннеля. Должно быть, это был волшебный туннель, потому что, выйдя из него, они оказались в Африке. А может быть, в Южной Америке или Юго-Восточной Азии. Нильс не знал, в какую часть света поместить вид, который открылся ему по ту сторону занавеса из ив, но ему казалось, что он узнаёт его по фотоизображениям, демонстрировавшимся во время докладов путешественников и миссионеров.

На сваях возвышалась небольшая деревня из странных маленьких хижин, словно выбравшихся из воды наверх по склону берега. Женщина вешала белье, дети играли в воде у берега, а лохматый пес бегал взад-вперед по причалу и залиристо лаял.

Парнишка затабанил правым веслом, втянул весла в лодку и дал ей скользнуть к причалу. Из-за хижины вовремя выскочил мужчина и поймал швартовочную веревку. Пес перестал лаять и по знаку мужчины убрался восвояси. Парнишка придержал лодку, чтобы Нильс мог выйти на сушу, но сам остался в ней.

Гуннарссон рассматривал мужчину на причале. Руки тот держал в карманах брюк. Больше всего он походил на старого хитрого бродягу с плоским лицом, светло-серыми глазами и маленькими острыми зрачками. Одно веко чуть

обвисло. На голове у него была шляпа с круглыми полями, лихо сдвинутая набок, а в ухе висело кольцо из желтого металла. Только Нильс хотел представиться, как мужчина опередил его, протянув руку так быстро, словно выхватывал оружие.

– Бенгтссон, – произнес он, пожимая ладонь Нильса так крепко, что это больше походило на демонстрацию силы, чем на приветствие. Нильс ответил на рукопожатие, про себя поразившись силе мужчины, бывшего гораздо меньше ростом и более худым, чем он сам.

– Хорошо, что вы смогли прийти, старший констебль Гуннарссон.

«Он знает, как меня зовут», – подумал Нильс.

Мужчина улыбнулся его удивлению, отпустил руку и указал в сторону дороги между двумя странными строениями в конце береговой кромки.

Нильс изумленно оглядывался. На первый взгляд хижины напоминали те простейшие шалаши, какие обычно мастерят дети. Но вблизи он заметил, что они построены с большим искусством. Сам строительный материал был необычен и вынуждал столяров прибегать к нестандартным решениям. В нагромождении разных кусков досок и рифленого металла Нильс различил рулевое колесо с рыболовецкого судна, изогнутую лестницу красного дерева, части мачт, столбы от мостов и латунные детали.

Бенгтссон зашел в одну из хижин, и Нильс последовал за ним. Он с трудом мог стоять там в полный рост. В мерцающем пламени фонаря едва различались какие-то существа с ввалившимися глазами – вероятно, семейство Бенгтссона, рассеявшееся вдоль стен на свернутых рулонами волосяных матрацах. В углу стояла ржавая печка. Пол покрывали коровьи шкуры – скорее всего, с грузовой баржи, где небрежно закрепили тюки, догадался Нильс. Пахло плесенью и гниением.

«Неужели этим людям не на чем сидеть; ни скамеек, ни табуреток?» – подумал он. Но тут же понял, что все дело в донельзя ограниченном пространстве. Комнатушка без единого окна, являвшаяся собственно домом, была просто-напросто спальней. Ночью матрацы занимали весь пол, днем их сворачивали и использовали для сидения, а место по центру оставалось свободным.

Сейчас там лежал на спине мужчина лет тридцати, и никакого матраца под ним не было. Зачесанные назад темные волосы курчавились, глаза были закрыты, рот широко открыт, язык вывалился наружу; кожа была бледно-серая, как у рыбы. Коровьи шкуры вокруг него потемнели от влаги.

– Мы нашли его в протоке, – спокойно пояснил Бенгтссон. – Он застрял в ивах, мимо которых вы сейчас плыли, – добавил он, кивнув в сторону протоки. – В этих длинных ветках застревает все на свете. Видно, он был пьян и где-то утонул. Я думаю, его лучше всего забрать полиции.

Нильс поднял с пола фонарь и подержал над покойником. Бенгтссон стоял рядом, широко расставив ноги и скрестив руки на груди.

– Когда вы его нашли? – спросил Нильс.

– Сегодня утром.

– Вы не знаете, кто это?

– Понятия не имею, – хмыкнул Бенгтссон. – Он не из наших.

Явно излишнее замечание. Мужчина был хорошо одет: светло-серый пиджак, двубортный жилет и сиреневого цвета шейный платок вместо галстука. Одежда была мокрой, но целой. Он пробыл в воде недолго.

– Ну вот, мы вас вызвали. Теперь можете забирать его, – сказал Бенгтссон.

Мимо покойника прошлась курица, высоко поднимая лапы. Как она сюда попала? Никто не обратил на нее внимания, и несколько секунд спустя она уже исчезла – так же непостижимо, как появилась.

– А есть ли поблизости автомобильная дорога? – спросил Нильс.

– В полутора километрах отсюда.

– Тогда лучше пошлем сюда лодку. Портовая полиция заберет его завтра утром, – решил Нильс.

– Завтра? – Рука Бенгтссона сделала такой решительный взмах, что существа, сидящие у стены, инстинктивно отпрянули. – А нельзя ли увезти его сейчас, с вами? Положим его на нос лодки. Парнишка сильный; он поможет вам дотащить его, когда вы приплывете в город.

Нильс покачал головой. Скоро станет совсем темно, и мысль о том, чтобы плыть по протоке с трупом в лодке и странным пареньком на веслах, повергла его в дрожь.

– Его заберет портовая полиция рано утром, – повторил он. – Почувствовав на себе взгляды членов семьи у стен, прибавил: – Нет ли какого-нибудь прохладного места, куда его можно положить? Какого-то погреба?

– Нет, – ответил Бенгтссон.

В хижине послышалось слабое хныканье, вскоре перешедшее в крик. Под шалью кто-то сильно ворочался. Молодая мать, которую Нильс в сумраке по ошибке принял за девочку, пыталась приложить ребенка к груди. Стена за ней была покрыта брезентом, на котором, как страны на карте мира, проступали пятна плесени.

«Неужели эти люди живут здесь и зимой? – подумал пораженный Нильс. – Как же они выживают?» В подведомственных ему кварталах люди обитали в подвалах – но здесь было еще хуже.

Он снова повернулся к Бенгтссону.

– Короче, как я и сказал, полиция будет здесь рано утром.

Он быстро вышел из хижины и двинулся вниз по тропинке. Становилось темно, и между хижин, в свете фонарей, различались тени фигур.

Парнишка по-прежнему сидел в лодке. Увидев Нильса, он подтянул лодку и подождал, когда тот влезет.

Дорога домой была как в сне. Они скользили сквозь зелень, напоминающую джунгли, по протоке, блестящей в лунном свете. Парень размеренно греб. Он так и не сказал ни слова с тех пор, как они днем покинули полицейский участок. (Днем? Казалось, прошел уже год!)

С берега поднялась в воздух серая цапля. Она летела вдоль полосы лунного света прямо перед лодкой, а с ее перьев, словно расплавленная латунь, капала вода.

«Это что-то нереальное. Я сплю», – думал пораженный Нильс.

И тут он вправду заснул. Погрузился в сон – и очнулся, лишь когда в лицо ему дунул свежий речной ветер. Корабли обозначали себя в темноте звуками сирен и мигающими фонарями.

Вскоре они были уже у каменной лестницы канала Эстра-Хамнканален. Парнишка ухватился за швартовочное кольцо, чтобы удержать лодку на месте, пока продрогший и не совсем проснувшийся Нильс выбирался на сушу.

Когда он перешагивал через борт на ступени, рука парня на секунду оказалась прямо у его лица. Она удерживала кольцо, и пальцы были растопырены. Уличный фонарь горел прямо над ними, и в его свете Нильс отчетливо увидел полупрозрачную перепонку между указательным и средним пальцами, доходившую до первого сустава.

2

– Звонил доктор Хедман из морга, относительно мужчины, найденного на реке Севеон. Это, очевидно, вы, Гуннарссон, приняли заявление? – спросил комиссар Нурдфельд, бросив взгляд на бумагу у него на столе.

– Да, это так, комиссар.

– «Я был доставлен на гребной лодке в поселение так называемых подбирал», – процитировал Нурдфельд рапорт Нильса.

– Именно так, комиссар. То еще приключение... Примечательное местечко. У его обитателей кошмарные условия жизни. С трудом верится, что в наши дни люди могут так жить.

Нурдфельд раздраженно поморщился.

– Отдел надзора за неимущими предлагал им помощь, но они ничего не хотят – и направляют собак на тех, кто пытается сойти к ним на берег. Меня удивляет, что они пропустили вас к себе.

– Пропустили? – Нильс горько ухмыльнулся. – Скорее вынудили залезть в эту лодку. Меня увез подросток – похоже, умственно отсталый, но весьма напористый. В поселке мною занялся один мужик в модной шляпе и с золотой серьгой в ухе, как у пирата. Во рту ни одного целого зуба, но страшно сильный. Он знал, как меня зовут.

– Это был Панама-Бенгтссон, их предводитель. Похоже, он впервые по собственной инициативе послал за полицией. Интересно почему...

– Практически к их порогу приплыл труп, и они не хотели навлечь на себя подозрения.

– Ну повод подозревать подбирал есть всегда... Вы проверили его карманы?

– Нет, – признался Нильс.

– Не играет роли. Вы бы все равно ничего там не нашли. Все, что плавает, принадлежит им, так обстоит дело. И тут вдруг появляется отлично одетый господин с туго набитым кошельком... Остается только проверить, что попало в сеть.

Нильс подумал о ветвях ив, свисающих прямо в воду и цепляющих все, что несет течение.

– Прихватив кошелек и золотые часы, они предоставляют полиции позаботиться о трупе, – продолжал Нурдфельд. – Их наглость поразительна. А то, что не движется, может легко быть сделано подвижным, не правда ли? Чуть

подпихнуть здесь, малость подтолкнуть там... «Ой, груз свалился в море!» Разве не так они делают в порту? Прокрадываются на борт и сбрасывают товары, которые позднее подбирают...

– Вы думаете, покойника могли столкнуть в реку? – Нильс на секунду задумался. – Возможно. Но это трудно доказать. Наиболее вероятно, что мужик выпил лишку и свалился где-то выше по течению. Утонул по пьянке. Это происходит постоянно. Ничего странного.

Нурдфельд согласно кивнул.

– Вот именно. Ничего странного, Гуннарссон. – Он почесал коротко стриженный затылок. – Вот только он не утонул.

– Что? Не утонул?

– Нет. Вот почему звонил доктор Хедман.

* * *

Совершенно новый морг Сальгренской больницы помещался в отдельно стоящем здании, вместе с залами вскрытия и часовней для отпевания покойных. Последние хранились в охлаждаемых стерильных секциях; эти комнаты были столь свежи и современны, что становилось почти жаль, что их обитатели уже не способны это оценить.

Мужчина, найденный подбиралами, лежал на спине на металлическом столе. Простыня закрывала его обнаженное тело до пояса. Сильное освещение, исходившее от направленной на него лампы, обнаруживало детали, которые Нильс не заметил в сумраке хижины: густые темные ресницы и ямочка на квадратном подбородке. Язык выглядел темнее и более отекившим, чем он его помнил.

Но самое бросающееся в глаза было ниже: вдоль всего горла шел шрам, полный запекшейся крови.

Комиссар Нурдфельд сквозь зубы пробормотал что-то похожее на ругательство. Нильс подумал, что это в его адрес. И хотя вопрос не прозвучал вслух, он звучал для него так отчетливо, словно ему прокричали его прямо в ухо: «Уму непостижимо, как вас угораздило пропустить это, когда вы осматривали труп на месте!»

– У него на шее был шарф, когда я впервые увидел его, – извиняющимся тоном произнес Нильс – и сам понял, как по-идиотски это прозвучало.

Нурдфельд ничего не сказал; его широкие скулы затвердели. Он, наверное, в бешенстве, подумал Нильс. И, конечно, на этот раз за дело. Старший констебль и сам не понимал, как мог допустить такой промах.

Доктор Хедман поднял веко покойника. Глазное яблоко было выпучено, белок покраснел от лопнувших сосудиков. Нильс попытался припомнить, чему его учили в полицейской школе.

– Повешение? – спросил он, бросив взгляд на судебного врача, пожилого мужчину с длинными костлявыми пальцами и бесцветной кожей, словно свидетельствующавшей о том, что он уже давно находится рядом со смертью.

– Скорее удушение, – возразил тот и отпустил назад веко.

Нильс наклонился рассмотреть рану на горле. Затем снова отступил назад. На расстоянии она напоминала собачий ошейник. Ничего подобного он раньше не видел, это точно. И все же это казалось смутно знакомым, как будто он читал об этом или слышал разговоры.

– Для удушения выглядит очень необычно, – заметил Гуннарссон. – Вы видели раньше что-то подобное, доктор?

– Да, но давно, лет десять-двенадцать назад, когда работал в Стокгольме. – Доктор Хедман обменялся взглядом с комиссаром Нурдфельдом, кусавшим губу со странным видом. – Три идентичных случая, – добавил он.

– Но если это не повешение и не обычное удушение, что же это тогда? – удивился Нильс.

Врач взял край простыни, натянул на лицо умершего и произнес:

– Гаррота.

* * *

– Это было еще до вашего появления в уголовном розыске, Гуннарссон. Всего было четыре случая: три в Стокгольме и один здесь, в Гётеборге. В точности один и тот же способ умерщвления.

– Мне кажется, я читал об этом в газетах, – припомнил Нильс.

Они с комиссаром направлялись к себе в угрозыск и только что вышли из трамвая номер шесть у остановки «Слоттсуген», чтобы затем пересесть на «двойку», идущую к парку Бруннспаркен. Вокруг них толпились шумные дети, которые вскоре должны были сесть на поезд до залива Аскимсвикен, чтобы бесплатно учиться там плаванию, а затем пить молоко. Две молодые женщины в светлых летних платьях руководили их перемещением в сторону близлежащей станции железнодорожной ветки Сэребана из Гётеборга к полуострову Сэре. Зелень на деревьях и подвижные дети сильно контрастировали с выложенной кафелем комнатой, которую они только что покинули.

– В газетах вы точно об этом не читали, – возразил Нурдфельд, зажигая сигарету; Нильс с удивлением отметил, что у комиссара дрожит рука. – Из полиции в прессу не просочилось ни звука. Убитые были отъявленными негодьями. Разборки в криминальной среде... Такого убийцы обычным людям бояться не нужно, а сеять панику было ни к чему. Откровенно говоря, для полиции стало лишь облегчением, что те мерзавцы погибли. Но сам метод чудовищен. Убийца сделал специальную удавку из фортепианной струны. Для нашей страны очень необычно...

– Его схватили?

– Да, – подтвердил Нурдфельд. – В конце концов мы его взяли. Над этим случаем работал узкий круг людей, а Гётеборг и Стокгольм активно сотрудничали. Все прошло просто отлично.

- И что это оказался за тип?

- Чудовище. Двухметрового роста, сильный, как бык. Несколько лет жил в Чикаго. Там он научился этому способу со струной. Во время судебных заседаний базарил не переставая; на него надевали наручники и держали четверо охранников. Цирк, да и только... Пресса была в восторге.

- Но ее же там не было?

- Нет, конечно, - заседания проходили при закрытых дверях. Случай сочли выходящим за рамки всякой морали из-за жестокого характера преступлений. Все это могло повлиять на психически неуравновешенных граждан. Получил, естественно, пожизненное.

- Но если его осудили десять лет назад, может ли быть такое, что он сейчас на свободе? Если в тюрьме он вел себя хорошо, его могли помиловать.

Нурдфельд решительно покачал головой.

- Исключено. В таком случае это было бы зафиксировано в полицейских информационных сообщениях. Полиция всегда предупреждает общественность, прежде чем выпустить заключенного такого калибра. А его не выпустили, да и о его побеге я никогда не слышал. Надо, конечно, выяснить, где он находится... Его судили в Стокгольме, и я думаю, что он сидел в Лонгхольмене; но его, разумеется, могли перевести... Не знаю, где он сейчас.

Комиссар сделал длинную затяжку сигаретой и задумчиво посмотрел на шпиль Музея естественной истории. С птичьих прудов парка Слоттсуген доносился затхлый запах.

- Вы сказали, что его жертвами были негодяи. Но наш покойник так не выглядит. Он тщательно и хорошо одет, - заметил Нильс.

- Среди таких тоже бывают негодяи. Как говорится, не все то золото, что блестит...

- Это верно. Интересно, где его сбросили в реку...

– Он вряд ли прошел бы через плотину электростанции у фабрик Йонсереда. Его, должно быть, выбросили где-то после Йонсереда, но до поселения подбирал, – размышлял Нурдфельд. – Но место убийства, конечно, могло быть где-то подальше... Ну вот и наш трамвай!

С громким звоном перед ними остановился вагон; из него высыпала еще одна куча детей, которых тут же отловили учительницы плавания. Гуннарссон и Нурдфельд подождали, пока все не сошли, и поднялись в трамвай через заднюю дверь.

– Вообще-то я хотел бы еще раз поговорить с подбиралами, – предложил Нильс, когда они прокомпостировали свои билеты и сели рядом. – Тогда я слишком легко позволил им выкрутиться. Но ведь я не знал, что они выудили жертву убийства...

На самом деле тогда ему хотелось выбраться из той крысиной норы как можно быстрее. Труп на полу не слишком шокировал старшего констебля – такова уж его профессия, его будни. Но вот живые люди... Эти вперившиеся в него темные взгляды, непостижимые, как у зверей. Взгляды, к которым не хотелось поворачиваться спиной. Но куда бы он там, в доме, ни поворачивался, они его находили...

– Хотя на этот раз один я не поеду, – добавил он.

– Конечно, нет, – согласился Нурдфельд. – Возьмите с собой кого-нибудь из портовой полиции. Они привыкли иметь дело с подбиралами.

3

На следующий день рано утром Нильс приплыл в поселение подбирал на патрульной лодке вместе с двумя внушительного вида портовыми полицейскими. Когда они медленно выплыли из ивовых занавесей, Гуннарссон увидел, что на этот раз на причале бегала и лаяла уже целая стая собак. Людей же вообще не было видно.

Они приближались к пустому причалу. Когда собаки увидели, где собираются пришвартовать лодку, все они бросились туда. Их лай привлек еще нескольких лохматых собратьев, выскочивших из убежищ между хижинами.

Полицейские сидели в лодке, ожидая, что кто-нибудь из подбирал выйдет к ним навстречу. Но никто не выходил.

– Не слишком-то рано они просыпаются, – заметил полицейский постарше и сплюнул в воду. Его длинные светлые усы свисали с верхней губы, как пучки соломы.

– Не очень-то поспишь при таком лае, – парировал Нильс.

Он встал на лодке в полный рост, сложил ладони рупором вокруг рта и попытался перекрыть собачий лай:

– Бенгтссон! Мы хотим с вами поговорить! Бенгтссон!

Полицейские, хмыкнув, переглянулись.

– Можем воспользоваться случаем и сделать в поселении обыск, раз уж мы все равно тут, – предложил тот, что помладше. – Вчера с парома у Гуллбергскайа утащили кокс на топливо, четыре мешка.

– На это нам приказ не давали, – возразил Нильс. – Бенгтссон! – снова крикнул он.

Никакого результата.

– Бенгтссон не из тех, кто появляется, когда его зовут, – произнес старший полицейский.

– Тогда нам нужно пойти и постучаться, – предложил Нильс тоном более уверенным, чем он себя чувствовал.

Он подвел лодку поближе, чтобы сойти на причал. Собаки тут же поняли его намерения, сбились в кучу и свесились над краем причала. Нильс поднял взгляд

и увидел разинутые пасти и острые зубы. Ему невольно подумалось о служебном оружии во внутреннем кармане пиджака, взятом по совету Нурдфельда.

Вдруг собаки замолкли, подняв уши кверху и уставившись в сторону протоки. Нильс тут же услышал звук приближающейся моторной лодки. Собаки начали бегать туда-сюда и лаять то в сторону протоки, то в сторону Нильса и полицейских, словно не понимая, на чем им сосредоточиться.

Шум мотора становился все слышнее. Вскоре сквозь ивовые занавеси выплыла шлюпка. На корме стояла высокая худая женщина. В одной руке у нее было рулевое весло, а другой она раздвигала ветви ивы, щурясь от утреннего солнца. Картина была столь неожиданна и прекрасна, что даже собаки на минуту прекратили лаять.

Шлюпка заходила к поселению по широкой дуге. Закручивая неподвижную воду протоки в пенящиеся завихрения, она наконец пришвартовалась возле лодки полицейских. Собаки снова начали лаять.

Женщина заглушила мотор, нагнулась над бортом и прокричала:

– Что-то случилось?

Нильс представился, выкрикнув:

– Старший констебль Гуннарссон, уголовный розыск. – И, жестом указав на своих спутников, добавил: – А это мои коллеги из портовой полиции.

Полицейские чуть приподняли свои картузы. Тот, что помладше, разинул рот.

Нильсу было неловко за констеблей, не умевших вести себя подобающе. Хотя портовые полицейские в его глазах на самом деле не были настоящей полицией – скорее просто охраной в униформе.

– Нам надо задать несколько вопросов Бенгтссону, – продолжал он. – А кто вы?

Женщина улыбнулась и протянула руку через борт.

– Сестра Клара, – сказала она, пожимая руку Нильса. – Чудесное утро, не правда ли?

– Сестра? То есть монахиня, работающая с бедняками?

Нильсу всегда становилось как-то неловко рядом с женщинами, занимавшимися благотворительностью, – как с состоятельными, раздававшими корзины с едой, так и с религиозными, раздававшими брошюры с мудрыми цитатами из Библии.

– Можете звать меня и так, – ответила женщина, выбрасывая пару кранцев по левому борту шлюпки. – Еще я дипломированная медсестра. Время от времени осматриваю обитателей поселения подбирал, в основном женщин и детей. Обычно я навещаю их рано утром, когда мужчины спят после ночных приключений.

– Но сегодня, похоже, дома никого нет, – заметил Нильс, кивая на причал, где собаки с недоверием уставились на них. Лаять они перестали, но следили за каждым их движением.

– Ну это зависит от того, зачем вы приехали. – Сестра Клара нагнулась за большой сумкой из парусины. – Я должна осмотреть малыша, у него проблемы с желудком. В последний раз, когда я появилась здесь, он был худеньким и бледным, как маленький призрак. Диарея в течение четырех дней. Надо проверить, помогло ли лекарство, что я ему дала. А еще мне надо сделать перевязку одной женщине.

– Лекарство от желудка вряд ли поможет, если его запивают водой из протоки, – вставил молодой полицейский. – Этот сброд ест и пьет что попало. Вы себе представить не можете, что они вылавливают из воды: гнилые апельсины, картофельные очистки, рыбы потроха, которыми даже чайки брезгуют... Неудивительно, что у их детей диарея. Но со временем они привыкают. Взрослые, похоже, отлично все выносят. Желудки у них луженые.

– Конечно, – мягко согласилась сестра Клара, а затем резко прибавила: – А еще у них перепонки между пальцами, как у лягушек, они воруют, как галки, и видят во тьме, как коты. Не так ли? Разве не это рассказывают о подбиралах? Но они – люди, а не звери! – выкрикнула она, глядя в упор на ошеломленного полицейского.

– Но у них есть перепонки между пальцами, – возразил тот, – уж это точно, фрекен.

– Верно, – подтвердил Нильс. – Я сам недавно видел их у парнишки, между указательным и средним пальцами.

Сестра Клара кивнула.

– Синдактилия, – сказала она. – Наследственное отклонение. Сращивание пальцев рук или ног через тонкую перепонку. Такое есть у большинства подбирал. Похоже, они от этого не страдают. Но это не значит, что они в родстве с выдрами или лягушками. Или что они хорошие пловцы. Большинство из них вообще не умеют плавать, хотя всю жизнь проводят у воды. Тут многие тонут по неосторожности – хотите верьте, хотите нет.

– Я верю вам, сестра Клара. – Нильс кивнул.

Ему все больше нравилась эта монахиня. Она не была похожа ни на раздавальщиц еды, ни на сотрудниц Армии спасения.

Сестра Клара забросила сумку на пристань и перешагнула через борт. Собаки лаяли, собравшись вокруг нее. Привязав лодку, она села на корточки и стала кормить их из пакета, вынутого из сумки. Его содержимое было похоже на какую-то требуху.

Нильс воспользовался случаем и сошел на пристань. Собаки были полностью заняты едой и не обращали на него внимания. Полицейские поспешили последовать его примеру, и все трое направились к хижине Панамы-Бенгтссона.

Нильс постучал в дверь.

– Бенгтссон! Это полиция. Мы хотим с вами поговорить.

Ответа не последовало. Рядом стояла курица, разглядывая его, склонив голову набок.

- Бенгтссон! - снова попытался он.

Попытка открыть дверь показала, что та заперта изнутри на защелку.

- Ну, такой запор нас вряд ли остановит, - усмехнулся старший полицейский и помахал ломиком, прихваченным из катера.

Небольшого усилия оказалось достаточно, чтобы отжать дверь.

Внутри халупы сидела та самая молодая мать с грудным ребенком, которую Нильс видел в прошлый раз. Младенец лежал голый на матрасе рядом. Женщина, очевидно, собиравшаяся перепеленать дитя, быстро взяла его на руки и, в испуге уставившись на трех полицейских, прижала ребенка к себе. Больше никого внутри не было.

- Не бойтесь, - успокоил ее Нильс, - нам нужен Бенгтссон. Вы не знаете, где он?

Женщина покачала головой.

Мужчины снова вышли. Не было видно ни единого подбиралы. Поселение казалось заброшенным.

Внизу на пристани сестра Клара все еще кормила собак. Никогда раньше Нильс не видел, чтобы у монашки была с собой еда для собак. Это возымело эффект: животные выглядели сытыми и отупевшими. Сестра вытрясла пустой пакет и положила его в сумку.

- Часто вы сюда приезжаете? - спросил Нильс.

- Время от времени.

Одна из собак облизала ей руку. Сестра Клара засмеялась и почесала ее за ухом.

- Вы не видели здесь хорошо одетого мужчину? В светлом пиджаке и шелковом шарфе, лет тридцати, курчавого брюнета, хорошо выбритого.

Она перестала почесывать собаку и посмотрела на Нильса.

- Похож на мужчину с гоночной лодки.

- А кто он?

- Не знаю. Он мчался на высокой скорости. Чуть не протаранил мою шлюпку, когда причаливал. «Ну и паршиво же ты швартуешься, парень», - подумала я. Вышел Бенгтссон с ружьем через плечо, и я боялась, что он засадит в этого красавчика порцию свинца. Но того, оказывается, ожидали. Я зашла к одной из женщин, а когда вышла, ни мужчины, ни лодки уже не было. Короткий, видать, был визит...

- Когда это было?

Сестра Клара задумалась.

- Как-то весной... Мне только что спустили лодку на воду. Листья на деревьях еще не распустились.

- В апреле? - уточнил Нильс.

- В конце апреля или начале мая. Ну мне нужно заняться делами, пока собаки сыты, довольны и всё еще любят меня. Так что, если вы закончили, я бы предпочла, чтобы вы отчалили. Меня не впустят в сопровождении трех полицейских. А ведь мне нужно осмотреть ребеночка с больным желудком...

- Мы как раз собирались отчаливать, - ответил Нильс и сел в лодку. - Приятно было познакомиться, сестра Клара. И, надеюсь, ребенку уже лучше.

Он поднял руку в прощальном приветствии, но она, повернувшись к нему спиной, уже шла между хижинами, неся свою парусиновую сумку.

– Итак, Бенгтссон соврал, – произнес Нурдфельд. – Интересно, что за дела были у хорошо одетого господина в поселении подбирал... Как мы уже отметили, не все то золото, что блестит, но сейчас единственное, от чего мы можем отталкиваться, это именно то, что «блестит».

Комиссар развернул бумагу, в которую был завернут пиджак покойного, теперь уже сухой, но испачканный коричневатым речным илом. Подержал его, чтобы Нильсу было удобнее рассмотреть.

– Хороший пиджачок, – заметил он.

Снова сложив его и вернув обратно, поднял по очереди двубортный жилет из той же ткани, что и пиджак, пару брюк в мелкую клеточку, рубашку, сиреневый шелковый шарф с пятнами запекшейся крови и, наконец, один ботинок темно-вишневого цвета с дырчатым узором на мыске.

– Первосортные вещицы. Нам с вами такие не по средствам.

– И в карманах нет ничего, что намекало бы на то, кто он? – спросил Нильс.

– Все карманы пусты; ни монет, ни билетов в кино или чего-нибудь подобного. Это довольно странно...

Нурдфельд снова завернул одежду в бумагу, перевязал бечевкой и протянул Нильсу.

– Отнесите их к портному и спросите, говорит ли ему о чем-либо эта одежда. Где она могла быть куплена, пошита на заказ или фабричного производства... в таком духе. Разумеется, я мог бы послать обычного констебля, но, мне кажется, будет лучше, если это сделаете вы, Гуннарссон. У меня такое чувство, что этот случай особый, и мне пока не хотелось бы подключать других.

– Понятно... А нет ли какой-то ясности в местонахождении убийцы с фортепианной струной?

– Пока нет. Зовут его Арнольд Хоффман, и он сущий монстр. Помещать его вместе с другими осужденными нельзя, а тюремная охрана его страшно боится.

В течение нескольких лет Хоффмана перебрасывали из тюрьмы в тюрьму или в дурку. Тюремные начальники утверждают, что он психически болен и должен находиться в психбольнице для осужденных. А начальство таких больниц утверждает, что голова у него отлично варит и что место ему в тюрьме. Где именно он находится сейчас, мне пока не удалось выяснить. Но если б он сбежал, это точно было бы известно.

* * *

Нильс отправился в путь, закрепив на багажном сиденье велосипеда большой сверток с одеждой. Он начал с магазинов мужской одежды попроще, почти полностью перешедших на вещи фабричного пошива, а затем переключился на ателье одежды на заказ. С седьмой попытки, когда Гуннарссон обратился в богатое традициями семейное предприятие, уже полвека обслуживавшее общество судовладельцев и клиентов, подвизавшихся в оптовой торговле, его усилия наконец увенчались успехом.

Когда старший констебль распаковал свой сверток на прилавке, опрятный закройщик слегка отпрянул в ужасе, а аккуратно зачесанные с безупречным боковым пробором волосы пришли в легкий беспорядок.

– Но одежда... совершенно испорчена! – воскликнул он.

– Она была на покойнике, найденном на реке Севеон, – пояснил Нильс. – Мы пытаемся выяснить, кто он. Может быть, вы дадите нам какую-то зацепку?

– Вы нашли его в Севеоне? Какой ужас!

Нильс согласно кивнул.

– Я и платка носового не намочил бы в Севеоне, – заверил закройщик с гримасой отвращения. – Вода там страшно грязная. Фабрики сливают туда все, что угодно... Просто помойка.

– Его нашли выше по течению, подальше от фабрик.

– Ну там, возможно, и почище. Но все же... – Закройщик посмотрел на пиджак и покачал головой. – Какая жалость! Шевиот такого качества не достать, если у вас нет специальных связей. Я свой заказываю в Лондоне. – Понизив голос, он доверительно добавил: – Через старые контакты моего отца на Сэвил-роу[1 - Сэвил-роу – улица в Лондоне, на которой исторически расположены самые модные и дорогие ателье по пошиву мужской одежды.].

– Хотите сказать, что именно вы пошили пиджак? – спросил Нильс.

Закройщик посмотрел на него удивленно и обиженно.

– А кто же еще? Отца моего уже нет в живых. Уж не думаете ли вы, что кто-то другой в городе способен на такую работу? Ясно, что я.

– А вы не помните, кто был заказчиком?

– Если мне память не изменяет, это был директор Викторссон.

Стараясь как можно меньше прикасаться к вещам, закройщик осмотрел остальную одежду. Подцепил шелковый сиреневый шарф двумя пальцами, как пинцетом, и внимательно осмотрел, а затем, грустно вздохнув, дал ему упасть в кучу одежды.

– Да, это был он.

– Викторссон? – заинтересованно переспросил Нильс. – А как его имя?

– Мы не обращаемся к клиентам по имени, используем лишь титул и фамилию.

– Но, может быть, у вас есть его адрес или номер телефона?

– В этом не было нужды – директор Викторссон сам приходил сюда и забирал одежду.

– А что-нибудь еще вы о нем знаете? Например, директором какого предприятия он был? В какой отрасли? – продолжал Нильс.

Закройщик на секунду задумался и покачал головой.

– Нет, не знаю. Насколько мне известно, он был бизнесмен, селф-мейд-мэн. Похоже, богатый... Значит, он умер? В реке Севеон? Как печально... Он так следил за тем, чтобы выглядеть прилично! Всегда хотел самое лучшее. По моей рекомендации отдавал стирать рубашки в фирму «Нимбус» – единственную прачечную, которой можно доверять, когда речь идет о рубашках такого качества. Хотя, – добавил закройщик со скорбью во взгляде, – такое уже никак не отчистишь.

– Большое спасибо за помощь, – поблагодарил Нильс, снова укладывая одежду в сверток.

– О, не столь уж многим я смог помочь, – с сожалением ответил закройщик. – Но вот это пальто, что на вас, – глаза его вдруг зажглись, – вот тут я точно мог бы вам помочь. Мы получили отличные габардиновые плащи именно такого типа. Я мог бы показать вам несколько...

– Очень любезно с вашей стороны, – поблагодарил Нильс, – но, боюсь, они не для моего кошелька.

– Понимаю, понимаю, – согласился закройщик. – Но вот с этой шляпой на вас, – он сделал изящный жест в сторону его головного убора, – ваше пальто не кажется таким уж поношенным. Коричневый цвет вам идет.

* * *

Косматый белый пес со сложенной рубашкой в пасти украшал вывеску прачечной «Нимбус» с надписью «Сотни, нет – тысячи – клиентов довольны нашей стиркой и глажкой. Выбирая «Нимбус», вы получаете потрясающий результат!» Фирма явно нанимала рекламное бюро. И результат был действительно потрясающий.

Едва Нильс успел сформулировать свой вопрос, как расторопная приемщица начала листать книгу записей клиентов, одновременно отдавая указания в сторону внутренних помещений, скрытых паром, и принимая заказ клиента по телефону. Прижимая трубку телефона к уху, она что-то быстро записала на

клочке бумаги и протянула Нильсу.

Вскоре тот уже катил на велосипеде по адресу, куда доставлялись рубашки директора Викторссона. Для статуса директора адрес был явно непримечательный.

На стук в дверь квартиры никто не ответил.

– Вам нужно это оставить? – спросила женщина в кофте и тапках позади него на площадке, показывая на сверток у Нильса в руках – оставить его на велосипеде полицейский не решился. – Директор Викторссон уехал по делам, – пояснила она, не дожидаясь ответа Нильса на свой вопрос. – Я могу сохранить пакет для него, это у меня он снимает квартиру.

– Очень любезно с вашей стороны, – сказал Нильс, – но было бы лучше, если б вы отперли дверь. Я из полиции. У нас есть основания считать, что с директором Викторссоном случилось несчастье, и мне необходимо войти в его квартиру.

Ошеломленно взглянув на его полицейский значок и кивнув, квартирная хозяйка быстро сходила за ключом и впустила полицейского.

Вкус Викторссона «ко всему наилучшему», очевидно, не включал меблировку квартиры. Она была обставлена по минимуму. С хозяйкой в качестве любопытного наблюдателя Нильс провел быстрый осмотр.

В гардеробе висели несколько отлично сшитых костюмов и рубашек. Однако трусы в ящике комода оказались заношенными и с дырками по швам. В кухонном шкафчике нашлись пакет овсянки, банка селедки и несколько сухарей.

– Он ест чаще всего в ресторанах, – пояснила хозяйка, прислонившись к дверному косяку, скрестив руки и безотрывно следуя взглядом за Нильсом.

– Вы сказали, деловая поездка, – произнес тот, закрывая дверцу кухонного шкафчика. – Не знаете, куда он собирался?

– Понятия не имею. Он ездит в разные города. Очень занятой человек.

– У него есть свой автомобиль?

– Разумеется, и шикарный. Обычно его паркуют во дворе. Но сейчас его там нет. Вот почему я и решила, что он в деловой поездке... А он не в автомобильную катастрофу попал?

– Нет, в катастрофу другого сорта.

– Ох, сколько всего страшного происходит... – Она вздохнула. – Это все из-за механизмов: автомобильные катастрофы, крушения поездов, несчастья с электричеством... Раньше было спокойнее.

Нильс не ответил. Он рылся в кухонных ящиках. Домашней утвари было мало. Оставив кухню, полицейский вернулся в спальню; хозяйка следовала за ним по пятам.

В выдвижном ящике прикроватной тумбочки Гуннарссон нашел пропуск на Юбилейную выставку 1923 года, приуроченную к трехсотлетию города[2 - Гётеборг праздновал 300-летнюю юбилей в 1921 г.]. Как и многие другие, Викторссон сохранил его на память. Нильс вспомнил, каким важным для него самого было юбилейное лето. Неудивительно, что входной билет был сделан в виде паспорта. Выставка существовала как отдельная страна, и оказаться там было словно оказаться за границей. Теперь все в прошлом...

Паспорт был на имя Эдварда Викторссона. На фото – молодой мужчина с целеустремленным взглядом, квадратным подбородком и непокорными кудрями, выбивавшимися из-под полей шляпы. Нильс был абсолютно уверен в том, что это тот же человек, которого он видел в поселении подбирал и в морге.

– Стильный мужчина, не правда ли? – вмешалась хозяйка из-за его плеча.

Нильс положил паспорт в карман.

– Ну не буду вас больше беспокоить. Спасибо, что впустили меня в квартиру, – произнес он, направляясь к входной двери.

– Нашли то, что искали?

– Да, достаточно для первого раза. Возможно, я появлюсь еще.

– А директор? Он не вернется?

– Нет, не думаю.

Нильс взял пакет, оставленный у двери на стуле. Хозяйка смотрела на него так, словно хотела отдать правую руку для того, чтобы узнать, что там завернуто в бумаге.

С выставочным паспортом в кармане и свертком с одеждой на багажнике Нильс покатил обратно в полицейский участок и отрапортовал комиссару Нурдфельду. Тот сразу позвонил в центральную регистратуру на улице Шепсмангатан, где все жители города были занесены на карточки по оригинальной системе. Произошел разговор с долгими паузами, пока на другом конце провода шли поиски на полках; люди спускались и поднимались по лесенкам, рылись в ящиках с карточками. Наконец комиссар получил те сведения, которые искал, и положил трубку.

– Эдвард Викторссон родился в тысяча восемьсот девяносто седьмом году на Бронсхольмене.

– На Чумном острове? – удивился Нильс. – Там, где устроена карантинная станция?

– Карантинной станции больше нет. Теперь там нечем зарабатывать на жизнь. Викторссон перебрался в город еще в тысяча девятьсот тринадцатом году, когда ему было шестнадцать лет. Работал мойщиком посуды, рабочим на складе, шофером. Он сообщил об очень маленьком доходе за прошлый год, и ему толком не пришлось платить налоги. Владеет автомобилем марки «Хиллман» модели двадцать третьего года... Интересно, не правда ли? Простой парень из шхер, питающийся селедкой и сухарями, берущийся за низкооплачиваемую работу, – и директор, владеющий шикарной машиной, гоночным катером и заказывающий свои костюмы в самом роскошном ателье города... Будто это два разных человека.

– Или человек, ныряющий из одной жизни в другую, – и убитый посреди такого нырка, – заметил Нильс.

Дежурство Гуннарссона закончилось, но он задержался на последнем этаже, где в углу устроили небольшую библиотеку для следователей. Все чаще случалось, что старший констебль в конце рабочего дня садился здесь на неудобный деревянный стул и углублялся в чтение книги о каком-нибудь нашумевшем преступлении. Таким способом он на пару часов откладывал возвращение домой.

Раньше приходить домой было приятно. Нильс испытывал гордость и удовольствие, когда, оставив велосипед у старого деревянного дома в районе Мастхюггет, поднимался к себе на верхний этаж и запирает за собой дверь в квартирку, состоящую из одной комнаты и кухни. Но в последний год у него сдавливало грудь, когда он возвращался в тишину и одиночество. Ему тридцать один. Пора было обзаводиться женой, ждущей его к ужину с приветственным поцелуем. И некоторые из детей, играющих во дворе за окном, могли быть его...

Но если б у него была та жена, которую ему хотелось, кто знает, стала бы она ждать его к ужину или нет? И, конечно, они не жили бы тогда здесь, в рабочем квартале. Как бы выглядела его жизнь, если б Эллен вышла за него замуж? Да и возможно ли это?

Они встретились весной 1923 года, юбилейным летом, когда Гётеборг преобразился и вокруг происходило столько необычного. Осенью продолжали встречаться в кафе и у него дома. Эллен писала для газеты «Корона и лев», которую издавали специально для Юбилейной выставки; по ее окончании газета была закрыта. Эллен попыталась найти работу в другом издании. Результатом ее хождения по редакциям с подборкой вырезок своих публикаций стало лишь одно задание: репортаж о демонтаже Юбилейной выставки. Вместе с фотографом она побывала на пустынной выставочной территории и написала меланхолическое размышление на целую страницу о бренности всего сущего. Нильс ее сохранил.

Чтобы улучшить свои шансы на получение работы, Эллен пошла на вечерние курсы стенографии. Они проходили вечером по понедельникам и четвергам, но вскоре остались только понедельники, потому что вечером по четвергам Нильс

был свободен, и Эллен оставалась у него. Затем он провожал ее на электричку. Родители Эллен ничего не знали об их отношениях.

Вскоре они стали близки физически. Это было ее желанием. Ей хотелось получить опыт. Нильс считал, что сначала им нужно пожениться, но Эллен высмеяла его, сказав, что он старомоден, – и убедила его. Его вообще было нетрудно уговорить. Никаких последствий это не имело, а когда Эллен получила нужный ей опыт, то осталась довольна и не желала больше рисковать. Такое впечатление, что она утратила к нему интерес. Возможно, он был лишь ступенью на пути к ее стремлению стать Новой женщиной, о чем много писалось в газетах: современной, живущей на собственный заработок и без предрассудков...

Однажды вечером Нильс собирался проводить ее на электричку. Они вышли из его подъезда. Было прохладно, и он прижал ее к себе. Возле дома стояла группа мужчин. Один из них что-то говорил, показывая своей тростью на фасад дома. Располневшие фигуры мужчин в отлично сшитых зимних пальто намекали на то, что они случайные посетители этого квартала. Возможно, представляли какие-то государственные структуры... Разговор шел о том, чтобы пустить на слом некоторые из местных старых деревянных лачуг и построить новые дома.

Когда Нильс и Эллен проходили мимо, мужчины расступились, и пара проследовала дальше, вниз под уклон, от холода тесно прижавшись друг к другу. Позднее оказалось, что один из упитанных мужчин был близким другом отца Эллен и узнал ее.

На следующий день инженеру Гренбладу стало известно, что его девятнадцатилетняя дочь выходила из подъезда одного из тех домов, которые в прессе именовались «крысиной норой», в обнимку с мужчиной лет на десять старше нее. Отец действовал безотлагательно. Уже на следующей неделе Эллен отослали в Браттеборгскую школу домоводства возле местечка Свенюнга, где, согласно рекламному проспекту, дотошно преподавали готовку простой и праздничной еды, искусство выпечки, сервировки стола, консервирования продуктов и оказания первой помощи на дому. Школа располагалась в деревне и не допускала никаких незаявленных посещений мужчин.

Эллен часто писала Нильсу длинные письма, смешные очерки про старомодных преподавательниц, блестящих соученицах и нелепых правилах. С чувством описывала, как они делают соленья и пекут хлеб. Приводила поэтические

описания природы и погоды. Нильс отвечал по возможности, в лаконичной манере полицейского рапорта – он никогда не был силен в эпистолярном общении. Пару месяцев спустя письма Эллен стали приходить реже, а к лету вообще прекратились.

Незадолго до Рождества он столкнулся с ней в городе. Это было время покупок рождественских подарков. Они оба стояли перед окном витрины; он увидел ее отражение в стекле среди нарядных манекенов, но не узнал. И тут, у его плеча, раздался знакомый голос:

– Счастливого Рождества, Нильс.

Он обернулся.

Эллен изменилась – похудела, стала элегантнее... и появилось еще что-то.

– Я вижу, ты недоумеваешь, что во мне нового, – произнесла она. – Помогу тебе: я подстриглась.

Ну конечно! Прическа валиком исчезла. Каштановые волосы были подстрижены до уровня мочек ушей и направлены к скулам двумя уголками.

– Замечательно, – похвалил он, – тебе идет.

Эллен часто заговаривала о том, чтобы подстричься. Но Нильсу этого не хотелось. Ему нравилось вынимать шпильки из ее валика, так что длинные волосы падали, словно шаль, ей на спину и руки.

Они молча постояли среди публики, толпившейся у витрины. С церковной площади по соседству доносилось пение детского хора.

– Ты все еще занимаешься в школе домоводства? – наконец спросил Нильс.

– Нет, наш курс закончился в июле.

– Значит, ты теперь домохозяйка в полной боевой готовности?

Эллен состроила гримасу. Нильсу безумно захотелось поцеловать ее гримасничающее личико, но он сдержался.

– Не ахти какая, – с горечью произнесла она. – С меня хватило основного курса. Мои соученицы продолжили осень. Тогда там начался разделочный курс, где учатся возиться с целой свиньей. Девицы многого от него ожидали. Не говоря уж об охотничьем курсе, когда учат обращаться с целым лосем... – Она закатила глаза вверх.

– Где же они берут лосей? – удивился Нильс.

– У местных охотников. Стало традицией оставлять школе одного лоса каждую осень. Охотники привозят его на двор и кладут к ногам начальницы, как языческое приношение. Да, это правда, Нильс! А девицы стоят вокруг и смотрят, как мужчины рубят его на куски и в корзинах относят мясо на кухню.

Нильс засмеялся.

– Ты кое-что потеряла, Эллен.

Они отошли пару шагов назад, чтобы пропустить людей к витрине.

– Но я не могла больше выносить эту школу ни минуты, – продолжила она. – Я там себя ужасно чувствовала.

– В письмах этого не ощущалось.

Эллен вздохнула.

– Вначале было интересно. Совершенно новый мир. Настоящие крестьянские девушки, которые учились на деревенскую хозяйку и должны были выйти замуж за парня из соседского хозяйства. Работа на кухне. Раньше я совсем ничего не умела, дома вообще не помогала. Все было мне внове. Я смотрела, слушала и писала массу текстов, которые никогда и нигде не смогу опубликовать.

– Вместо этого ты посылала их мне. Интересно было их читать.

– Правда?

– Конечно.

Эллен засмеялась; пар от ее дыхания вился легкими струйками.

– Холодно, – заметил Нильс и потер руки. – Может быть, зайдём куда-нибудь в кондитерскую и выпьем по чашке кофе? Или лучше горячего шоколада? Я тебя приглашаю.

Эллен стояла в растерянности.

– Нет. К сожалению... Я жду своего жениха. Он в магазине, покупает мне подарок, – и она кивнула на витрину.

– О, понятно, – произнес он и улыбнулся, в то время как мир вокруг него рушился. – Тогда не буду больше мешать. Приятно было увидеться. А причёска действительно отличная.

Она вежливо улыбнулась в ответ. Нильс быстро развернулся и смешался с толпой, идущей вверх по улице. Метров через двадцать он встал за припаркованным грузовиком и затаился там, наблюдая за Эллен. Детский хор возле церкви пел «Сиянье над морем и берегом». Сердце Гуннарссона стучало так сильно, что он едва мог дышать.

Жених вышел с пакетом под мышкой. Он выглядел хорошо – смотрелся как иностранец. Одетый в пошитом по фигуре пальто с каракулевым воротником, он напоминал кого-то из русской знати, бежавшей за границу во время революции. Жених поцеловал Эллен в щеку и сказал что-то, заставившее ее засмеяться. Затем они направились в сторону Нильса, и ему пришлось быстро уходить. Он все еще пребывал в шоке, его тело била дрожь.

После этого он ее больше не видел.

Что привело его в такое смятение? Неужели он и вправду думал, что Эллен когда-нибудь захочет выйти за него замуж? Теплилась ли в нем надежда, несмотря на прерванную переписку и полгода молчания? Как глупо... Теперь она

точно исчезла.

* * *

Нильс захлопнул книгу, которую читал – учебник по джиу-джитсу с картинками, – и поставил ее на полку. Взяв шляпу и пальто из кабинета, он собрался идти домой.

Приближаясь к стойке регистратора у входа, заметил жест фрекен Брикман, который часто наблюдал у нее, когда кто-то подходил к ней слишком быстро или почти неслышно: она что-то клала себе на колени под столом. Нильс знал, что она прячет журнал или книгу.

– У нас с вами есть кое-что общее, фрекен Брикман.

Она опасливо посмотрела на него. Может быть, подумала, что он с ней флиртует?

– Что вы имеете в виду, старший констебль?

– Мы оба любим читать. Что там у вас под столом сегодня? Роман или приключения?

Фрекен Брикман неохотно достала книгу и протянула Нильсу. Он поглядел на вычурную обложку: женщина в нижнем белье лежит на кровати с головой, повернутой к читателю, и с пустым взглядом. Она, очевидно, мертва. Полная луна через окно освещает сцену бледным светло-голубым светом.

– Ага. «Убийство в полнолуние» Лео Брандера... Значит, вы читаете детективы?

– Естественно. Ведь я работаю в уголовном розыске, – сухо сообщила фрекен Брикман.

– Ну ясное дело... Лео Брандер не так плох. Я и сам читал пару его книг. Но не многовато ли там для вас жестокости?

Фрекен Брикман хмыкнула.

– А-а, это же все выдумки...

Нильс уже собирался вернуть ей книгу, но тут его осенило.

Тот удивительный шрам на шее у Эдварда Викторссона! Теперь Гуннарссон вдруг вспомнил, где читал о чем-то похожем. В книге Брандера «Красный шарф» были обнаружены несколько убитых женщин, все с глубокой раной вокруг шеи. Авторское описание было таким детальным, что Нильс сразу же вспомнил недавнюю сцену в морге.

– Может быть, хотите взять ее почитать? – спросила фрекен Брикман. – Берите, если хотите. Я все равно уже догадалась, кто убийца.

– Догадались? Тогда вам лучше работать детективом...

– Мне и самой это иногда приходило в голову, – согласилась фрекен Брикман.

6

«Издательство Йенсена» всецело было детищем его владельца Ханса Йенсена. Он издавал книги для строителей домов, учебники, рождественские журналы и юбилейные сборники. В последние годы Йенсен рискнул сделать ставку на популярные детективы. Он в быстром темпе издал семь книг Лео Брандера, и это оказалось для него большой удачей.

Нильс разыскал Йенсена после утомительного утра, проведенного на берегах Севеона. Вместе с констеблем из участка в Лоренсберге, центре города, он ездил по плохим дорогам и разговаривал с возможными свидетелями. Но никто не видел и не слышал ничего необычного. Ни драк, ни криков, ни незнакомых автомобилей или лодок. Гуннарссон и не ждал ничего подобного. Мастерские и фабрики вдоль устья реки были по ночам закрыты, а выше по течению берега оставались заброшенными и безлюдными.

Пока Гуннарссон трясся на дорожных ухабах, он все время думал о романе «Красный шарф» Лео Брандера. Перед глазами у него стояла обложка: темный переулок, уличный фонарь, тень мужчины, прислонившегося к стене дома. А на переднем плане, естественно, – искаженное ужасом женское лицо. На обложках всех книг Лео Брандера рисовались либо охваченные страхом, либо мертвые женщины.

Накануне вечером Нильс достал свой экземпляр книги и полистал его, чтобы проверить память. Он помнил верно: убийца в романе использовал в качестве специального орудия смерти фортепианную струну, в точности как Арнольд Хоффман.

Писатель вряд ли мог быть вдохновлен убийствами Хоффмана, потому что их детали не были известны широкой публике. Но что, если Лео Брандер был как-то вовлечен в дело – например, служил полицейским?

Могло ли быть так, что книга Брандера на кого-то повлияла и Эдвард Викторссон был убит способом, который так реалистично описал автор? Так, что реальность стала литературой, а затем снова реальностью...

Столь дикие соображения Нильс, конечно, не мог предложить на рассмотрение комиссару Нурдфельду. Его просто высмеяли бы. Но отказаться от этой мысли он не мог.

После безрезультатных поисков вдоль реки Севеон Гуннарссона высадили у его отделения уголовного розыска, а констебль поехал дальше к гаражу своего участка в Лоренсберге.

Что и говорить, было бы намного удобнее, если б полицейское отделение Нильса на улице Спаннмольсгатан имело свой автомобиль. С другой стороны, это предполагало, что констебли могли бы его водить. Но большинство полицейских, и Нильс в том числе, не имели водительских прав, что порой приводило к неловким ситуациям. Например, когда подвыпившего водителя останавливали в результате нарушения правил, а затем служитель закона, устроившись на пассажирском месте, предписывал ему снова заводить мотор и ехать к полицейскому участку. Но обучение вождению поголовно всех сотрудников затягивалось. А пока они были вынуждены обращаться к коллегам с водительскими правами из отделения в Лоренсберге.

Вместо того чтобы отправиться к себе в отделение, Нильс обошел квартал и проследовал дальше по адресу, найденному в телефонном справочнике. И теперь он находился в душном кабинете издателя Йенсена, располагавшегося над типографией.

– Садитесь, пожалуйста, – любезно предложил Ханс Йенсен. Это был невысокого роста мужчина с живыми глазами и засученными рукавами.

Нильс нерешительно огляделся. Каждый сантиметр в комнате был завален стопками бумаг, брошюр и книг. Вдоль стен громоздились штабеля картонных коробок. На каждой из них стояло небрежно написанное мелом Брандер и первое слово названия романа.

– Ой, извините, – пробормотал Йенсен.

Он поспешно обогнул письменный стол и стал энергично расчищать место от огромной кучи бумаг. Вскоре показался ранее не видимый стул с кожаным сиденьем. Нильс сел. Снизу доносилось гроыхание типографских прессов.

– Вы, вероятно, ожидали увидеть большое издательство? – продолжал Йенсен.

– Да, я вообще думал, что романы Лео Брандера публикует какое-то стокгольмское издательство, – признался Нильс. – А оказалось, что вы находитесь совсем по соседству... Должен вас поздравить. Книги, должно быть, потрясающе продаются.

– Пожалуй, что так, – с довольной улыбкой подтвердил Йенсен. – Может быть, выпьете чего-нибудь? Как насчет стакана пива?

– Спасибо, охотно, – согласился Нильс. Во рту у него пересохло от дорожной пыли.

Издатель поднял телефонную трубку и произнес:

– Не может ли кто-нибудь сгонять к Грете и прихватить два пилзнера? И два стакана. – Он положил трубку и повернулся к Нильсу. – Да, пора уже менять помещение. Но я всегда сидел здесь. Странно было бы переехать куда-то в

другое место... Мне будет не хватать этого шума.

И он жестом показал на пол, из-под которого раздавалось лязгание прессов.

Они поболтали о книгоиздательской работе, пока не появился подмастерье в запачканном рабочем халате с двумя бутылками пива и двумя стаканами поверх горлышек. Йенсен налил им пива, и Нильс выпил несколько больших глотков. Пиво было холодное и отличное на вкус. Гуннарссон поставил стакан и слизал каплю пены с верхней губы.

- У Брандера захватывающие романы, - заметил он. - Но не слишком ли они жестоки для широкого читателя?

Йенсен засмеялся и покачал головой.

- Я тоже думал: «Такое народ не станет читать». Но я ошибался. Им нравится. Не всем, конечно. Но, что поразительно, многим. И мужчинам, и женщинам. Из всех слоев общества.

- Они здорово написаны, - признал Нильс. - Причем хорошо осведомленным человеком. Большинство писателей-детективщиков не знают то, о чем пишут. А Лео Брандер обладает впечатляющими знаниями о криминальном мире. Возможно, его корни в полиции?

- Не исключено, - согласился Йенсен. - Я ничего не знаю о его прошлом. Дело в том, что я вообще ничего не знаю о Лео Брандере.

- Полагаю, что его имя - псевдоним?

- Да, это так.

- А как его зовут в жизни?

- Понятия не имею.

Нильс удивленно поднял брови.

- Но это вы должны знать! Как его издатель. Вы же платите ему гонорар?

Во взгляде Йенсена появилось беспокойство.

- У Брандера есть доверенное лицо, которое занимается контактами. С договором помог юрист. Все происходит абсолютно законно, - торопливо заверил он.

Эта часть мало интересовала Нильса, но издателю не обязательно было это знать. Тогда он, возможно, более охотно поговорит о другом...

- А как зовут его доверенное лицо? - спросил он.

- Это в высшей степени уважаемая персона. Доктор Кронборг. У него частная практика на улице Линнегатан. Мы знакомы через братство ордена «Оддфеллоуз»[3 - «Оддфеллоуз» - международный нерелигиозный орден, изначально зародившийся в Англии в середине XVIII в. (в Швеции - с 1884 г.) и отстаивающий гражданские свободы и промышленно-торговые льготы для общества в целом.]. Он показал мне рукопись Брандера. Иначе мне и в голову не пришло бы издавать детективы. Но доктор Кронборг сильно верил в книгу и, поскольку мы братья по ордену, хотел дать мне шанс, прежде чем обратиться в большие стокгольмские издательства. Как уже говорил, я сомневался. Но детективы стали модны, а у Кронборга хороший деловой нюх. Так что я решил сделать попытку.

- Не зная, кто автор?

- Да, это было его условием. И, как вы понимаете, я ни секунды не жалею. Лео Брандер поставляет две книги в год: одну к Рождеству, другую к лету. Аккуратные рукописи. На хорошем шведском. Требуют минимальной редактуры. А какой почерк! - Йенсен подошел к большому шкафу, открыл ключом, достал рукопись и протянул ее Нильсу. - Вот!

Гуннарссон открыл верхнюю папку. Почерк читался легко и выглядел привлекательно, без клякс. Линии шли безукоризненно прямо, хотя бумага не была разлинована.

– Мечта учительницы по письму, – констатировал он.

– И издателя, – с улыбкой заметил Йенсен. – Лео Брандер не требует авансов. Никогда не жалуется, что книгу плохо рекламируют. Продается нарасхват. И с ним не приходится встречаться. Если б все писатели были как Брандер, какой отрадой стало бы издательское дело!

– Значит, я правильно понял, что у вас нет никакого контакта с Лео Брандером, ни личного, ни письменного?

– Да, это так. Если с ним нужно связаться, обратитесь к доктору Кронборгу. Но не думаю, что он сможет вам помочь. Многие журналисты безуспешно пытались.

– А вам не приходило в голову, что это сам доктор Кронборг пишет книги? – спросил Нильс.

Йенсен рассмеялся.

– У доктора много талантов, но литературный к ним не относится. Он более склонен к практическим вещам.

– Что же, благодарю за уделенное время, – произнес Нильс, допивая пиво из стакана и поднимаясь. – И спасибо за угощение.

* * *

Приемная доктора Кронборга была обставлена как салон в знатном доме: мебель в стиле рококо, парчовые гардины... Сейчас она была пуста.

Нильс снял шляпу, счистил красноватую глину, присохшую к брючине, и осторожно присел на миниатюрный стул. Со стороны улицы Линнегатан доносился звон проезжающего мимо трамвая.

Тут открылась двойная дверь в приемную, и появилась медсестра в накрахмаленной шапочке.

– О-о, разве кто-то еще оставался? – удивленно воскликнула она, глядя на Нильса. – Уже почти пять часов, и доктор закончил прием пациентов на сегодня... Но раз уж вы здесь, я спрошу его.

Она исчезла и через несколько секунд вернулась, снисходительно кивнув.

– Ладно. Доктор вас примет.

Доктор Кронборг сидел за письменным столом и что-то писал – вероятно, в журнале посещений. Время от времени он бросал быстрый взгляд в записную книжку из-под очков в золотой оправе. Его щеки над ухоженной поседевшей бородкой покрывал лихорадочный румянец. Лет пятьдесят, подумал Нильс, но в хорошей физической форме. На стене за ним висела картина маслом в золотой раме, изображавшая лисицу под елью. Если б не белый халат, Кронборга можно было бы принять за оптовика, занятого финансовыми подсчетами.

– Доктор Кронборг... – начал Нильс.

Доктор пробормотал что-то, не поднимая головы, и продолжал писать. Наконец решительно поставил точку и повернулся к Нильсу.

– Ну, – произнес он тоном, показывающим, что готов полностью сосредоточить свое внимание на пациенте, – как у вас дела? – И прежде, чем Нильс успел ответить, схватил стетоскоп и привычно скомандовал: – Снимайте рубашку.

– Я отлично себя чувствую, благодарю вас, – сообщил Нильс. – И одежду я лучше не буду снимать. – Он вынул полицейский жетон из кармана. – Старший констебль Гуннарссон, уголовный розыск. Я здесь не в качестве пациента.

– Вот как, – произнес доктор, вынимая стетоскоп из уха и жестом указывая на стул посетителя. – Чем могу помочь?

Нильс сел.

– Я занимаюсь криминальным расследованием и хотел бы побеседовать с писателем Лео Брандером.

Часы тонко пробили пять раз; звук оставался звенящей нотой в воздухе. Доктор выжидающе посмотрел на него поверх очков.

– Вот как?

– Как я понимаю, вы являетесь доверенным лицом Брандера. Я был бы вам благодарен за его настоящее имя и адрес.

– Ничего не понимаю. Вы знаете, какого сорта книги пишет Лео Брандер? Детективы. Вымысел. Какое отношение это имеет к криминальному расследованию?

– Возможно, никакого, но я хотел бы с ним встретиться.

Доктор Кронборг выглядел озабоченно.

– Ну тогда не обойдется без проблем. – Размышляя, он слегка постукивал карандашом по столу. – Видите ли, Лео Брандер – один из моих пациентов. Обязательство не разглашать профессиональную тайну не позволяет мне раскрыть личность пациента.

– Но вы с ним иногда встречаетесь?

– Разумеется. Вы хотите ему что-нибудь передать?

– Я хотел бы встретиться с ним лично, – заявил Нильс.

– Хм... – Доктор снял очки и с изможденным видом потер глаза. – Вы прямо-таки ставите меня перед дилеммой. Я хотел бы вам помочь, но Лео Брандер болен вот уже несколько лет. Очень болен. Даже если я раскрою его личность, он не будет в состоянии принять посетителя.

– Но ведь он работает. Пишет две книги в год, – напомнил Нильс.

Доктор быстро кивнул.

– Конечно, человек он трудолюбивый... Видите ли, речь идет не о физической немощи, а о нервном расстройстве. С писательством у него нет проблем. От этого он даже лучше себя чувствует. Я обнаружил его талант случайно. Он все время что-то записывал на бумаге, и медперсонал, естественно, считал, что это какая-то чушь. Но я почитал его записи и обнаружил, что это были истории, весьма заслуживающие прочтения. Очень интересные. Я не мог остановиться, пока не прочитал их все. Трудно было поверить в то, что это дело рук любителя. Однако в ходе длительной болезни пациент прочел множество детективов – как по-английски, так и по-шведски, – так что он научился выстраивать сюжет. Я поощрял его продолжать это дело и обещал найти ему издателя.

– Вашего старого друга Йенсена, – уточнил Нильс.

– Именно. Когда мой пациент увидел напечатанную книгу, он совершенно возродился. Для него это был большой успех. С тех пор он продолжает писать. Это дает смысл его существованию, в остальном остающемся пустым и весьма трагичным. Но посещение он не вынесет. Он слишком хрупок.

– Да что вы говорите? Читая его книги, не подумаешь, что Лео Брандер хрупок...

Доктор Кронборг слегка погрозил пальцем.

– Ай-яй-яй... Вы совершаете обычную ошибку, отождествляя писателя с его произведениями. Поэт Стагнелиус был отвратительным и больным пьяницей, но писал очаровательные стихи о любви, которую так и не изведал, и свиданиях, на которых никогда не был.

– А вы интересуетесь литературой, доктор?

– Так, немного, – ответил Кронборг, слегка пожимая плечами. – Меня намного больше интересует живопись.

– Понятно. Я здесь сидел, смотрел на картину позади вас и не мог перестать думать: неужели это подлинный Лильефорс[4 - Брюно Андреас Лильефорс (1860–1939) – шведский живописец-анималист, портретист и пейзажист.]?

Доктор заговорщически улыбнулся и, подавшись вперед, понизил голос:

- Принимая во внимание, сколько я за нее отдал, очень надеюсь, что она не подделка. Вам нравится?

Нильс посмотрел на картину, слегка склонив голову набок.

- Конечно, - признался он. - Лисы - удивительные животные. мех передан прекрасно. Но ведь вы почти никогда не видите ее, сидя к ней спиной. Ею наслаждаются в основном ваши пациенты.

- Ну и пусть. - Доктор усмехнулся. - У меня дома есть еще несколько Лильефорсов. Он мой любимый художник, - гордо заявил он.

- Что вы цените в нем больше всего?

- Искренность, - твердо сказал доктор, - неподкупную искренность. В отличие от лгунишки Карла Ларссона[5 - Карл Улоф Ларссон (1853-1919) - знаменитый шведский художник, считающийся одним из самых значительных живописцев своей страны.]. Воспитанные дети, солнечный свет, пеларгонии... - Уголки его губ опустились от отвращения. - Противное слащавое лицемерие. А у Лильефорса нет ничего льстивого. Он изображает мир таким, каков тот есть, в мельчайших деталях. Увядшие, засохшие растения, дождливое небо, хищники, поедающие добычу... Он не останавливается перед правдой, и именно это придает красоту его работам. Я приобрел небольшой домик в деревне, где собираюсь провести время после ухода на пенсию, занимаясь охотой и рыбалкой. Мое собрание Лильефорса прекрасно подойдет к нему.

- Безусловно, - согласился Нильс. - Ну что же, - он поднялся, - не буду вас больше задерживать, доктор. Большое спасибо.

- О, пустяки. Но, прежде чем вы уйдете, хочу спросить: какое преступление вы расследуете?

- Извините, доктор, сотрудники полиции также не могут разглашать профессиональные тайны.

- Я просто хотел добавить, что если мой пациент в чем-то подозревается, то у него железное алиби, - произнес доктор Кронборг. - Он под круглосуточным

наблюдением.

7

На следующее утро, едва Нильс успел зайти к себе в кабинет, комиссар Нурдфельд уже появился на его пороге, в рубашке и брюках с подтяжками. Пробормотав что-то напоминавшее «доброе утро», он ткнул пальцем в сторону своей комнаты и отчетливо произнес: «Сейчас!»

Нильс последовал за начальником в его кабинет, расположенный дверь в дверь, но раза в четыре просторнее.

Отдельную комнату Гуннарссон получил два года назад в связи с присвоением ему звания помощника старшего констебля. Звание, как и комната, стали своего рода наградой за то, что он спас жизнь комиссара Нурдфельда. Подозреваемый, вызванный на допрос, попытавшись сбежать из полицейского участка, начал стрелять. Во время заварухи констебль Оландер, приятель Нильса, был убит, а Нурдфельд не пострадал благодаря вмешательству Гуннарссона.

С тех пор между Нильсом и его шефом установились странные отношения – клубок невысказанных и противоречивых чувств, которые никто из них не был в состоянии объяснить.

Перемещение Нильса из общей комнаты констеблей в отдельную, рядом с кабинетом шефа, не прошло незамеченным для его коллег. То, что комната была крошечной, буквально каморкой, и находилась впритык к комиссарской, только усиливало впечатление, что Гуннарссон стал слугой шефа.

Он надеялся, что обучение в школе полиции приведет к изменениям в его положении, подтвердит, что он действительно заслужил свое место. Должность старшего констебля Нильс получил обычным образом – по конкурсу; она не являлась наградой за какое-то смехотворное геройство, и он ни к кому не чувствовал благодарности. И все же существовала какая-то шероховатость как в отношениях с Нурдфельдом, так и с подчиненными Нильса.

– Ну как ваши вчерашние поиски? – спросил комиссар, когда они уселись по разные стороны его письменного стола.

– Никто у реки ничего не видел и не слышал, – ответил Нильс.

– Я читал это в вашем рапорте. Вы составили его в десять минут третьего. А что вы делали остаток дня?

– Мне в голову пришла одна мысль, которую я хотел проверить. Минутку, комиссар...

Он зашел обратно в свою комнату и прихватил портфель. Вернувшись, спросил:

– Вы не читаете детективы?

Затем достал экземпляр «Красного шарфа» и положил перед Нурдфельдом.

– Нет, никогда, – с отвращением на лице произнес тот. – Эти писатели ни разу не видели сотрудников уголовного розыска даже на фотографиях. Их детективы запутываются в следах и версиях. Потом эти писаки усаживаются в кресло, старательно морщат лоб, и – фокус-покус! – они уже знают, кто убийца. Чаще всего это какой-нибудь граф, профессор или любой другой приличный господин. Хотя на самом деле всего лишь пьянчуга забил насмерть свою жену или собутыльника. И причина самая тривиальная – немного денег, алкоголь или просто плохое настроение.

– Знаю, все это так, – согласился Нильс. – Но вот это, мне кажется, вам все же стоит прочитать.

– С какой стати?

– Потому что жертва в романе была убита точно таким же способом, как Эдвард Викторссон. Гаррота – не такое уж обычное орудие убийства в Швеции.

Нурдфельд бросил беглый взгляд на книгу, но не взял ее.

– Я такие книги не читаю.

Нильс знал, что Нурдфельд вообще не читает книг.

– Автор пишет под псевдонимом; даже издатель не знает, кто это. Контакт с ним возможен только через одного врача, практикующего по улице Линнегатан.

– Вы там, конечно, уже побывали и провели расследование? – сухо осведомился комиссар. – Может быть, вам пора открывать частное детективное агентство Гуннарссона?

– Прошу прощения. Мне следовало сначала поговорить с вами. Я знаю ваше отношение к книгам, в особенности к детективам. Но в данном случае у меня возникло чувство: надо кое-что выяснить, чтобы... – Нильс искал подходящие слова.

– Значит, вы решили ничего мне не говорить, поскольку знали, что я скажу «нет», – и все же пошли туда... Ну и как, что узнали? Полагаю, что-то важное – ведь вы прямо горите желанием поделиться результатами своего расследования...

Нильс рассказал о своих визитах к издателю Йенсену и доктору Кронборгу. Нурдфельд уставился в окно, разглядывая дома на противоположной стороне канала. Зевнул, почесал шею, снова зевнул. Вдруг он вздрогнул и повернулся к Нильсу.

– Как, вы сказали, зовут доктора?

– Кронборг.

– Интересно...

На этот раз иронии в голосе начальника не было.

– А теперь моя очередь, – заявил Нурдфельд. – Пока вы вчера ходили туда-сюда, я попытался выяснить побольше про Эдварда Викторссона. Он родился и вырос на острове Бронсхольмен. Родители его работали на карантинной станции, которая теперь закрыта. Предприимчивые люди вроде Викторссона давно уехали оттуда, но часть персонала все еще осталась на острове. Многие провели

там всю свою жизнь и другой жизни не знают. Им трудно найти работу в городе...

- А как они зарабатывают на хлеб? Рыбачат?

Нурдфельд покачал головой.

- Нет, они не рыбаки. Когда в конце семнадцатого века построили станцию, весь ее персонал привезли с материка. Жители других островов не хотели там работать - жесткая изоляция и риск заразиться были для них слишком пугающими. Бронсхольмен, как вы знаете, называют Чумным островом. Военно-морское ведомство хотело получить станцию в свое распоряжение - остров глубоко в шхерах имеет важное стратегическое значение. Но этого так и не произошло. Я попытался разузнать, как ныне используется карантинная станция. И вот что мне удалось выяснить: оказывается, сейчас это тюрьма. Для нее там идеальное место. Удаленное, изолированное, с идеальным круговым обзором из сторожевой башни...

- Мне казалось, что я знаю все тюрьмы в округе, - удивленно заметил Нильс.

- Стало быть, не все... И сидит там всего один заключенный - Арнольд Хоффман.

- Человек, душивший своих жертв фортепианной струной?

- Именно. С ним никто не хотел связываться - и охранники, и заключенные его смертельно боялись. А затем нашли то самое гениальное решение. Обсуждалось, где Хоффману место - в тюрьме или психушке, - но карантинная станция оказалась и тем и другим. Уход за больными - и изоляция, чтобы не распространялась зараза.

- Значит, персонал станции получил новое задание - сторожить одного-единственного заключенного?

- Точно. Ну а если этот заключенный - сам Арнольд Хоффман, то это означает полную занятость всего персонала.

- Боже милостивый, - пробормотал Нильс.

– Я еще не закончил. Работавший там карантинный врач тоже получил новое назначение. Он, конечно, больше не живет на острове, но регулярно посещает его. Как, вы думаете, его зовут?

– Кронборг? – осторожно предположил Нильс.

– Именно. Доктор Сиверт Кронборг.

– Боже милостивый, – повторил Нильс. – Значит, немощный Лео Брандер и есть убийца Арнольд Хоффман?

– Похоже на то.

– А клиника нервных болезней, о которой говорил доктор Кронборг, – тюрьма на острове, из которой невозможно сбежать!.. Неудивительно, что Лео Брандер нуждается в доверенном лице для издания своих книг.

– Да, любопытно... Странно, что доктор с такой репутацией принимает участие в подобном деле.

– Деньги, – сухо произнес Нильс. – Вы, комиссар, возможно, не поверите, но детективные романы приносят немалый доход. А Лео Брандер пишет две книги в год... Интересно, как выглядит его договор с издательством.

– Думаю, у Хоффмана нет особых возможностей тратить свои заработки.

– Конечно. Но в кабинете у доктора Кронборга висит подлинник Бруно Лильефорса, и, по его словам, дома у него есть еще несколько. Пристальное внимание к этому делу ему нежелательно. Он сказал, что его пациент серьезно болен и не выдержит визитов других людей.

– Ну, болен он по жизни, – с холодным смешком заметил Нурдфельд. – Но визит ему обеспечен, в каком бы состоянии он ни был. Нам надо убедиться, что Хоффман действительно находится на Бронхольмене и что охрана там на должном уровне. Еще нужно узнать, есть ли у него с кем-то контакты – в этой тюрьме или в другой, – и мог ли он обучить кого-то управляться с гарротой.

– А вот почитайте «Красный шарф», – предложил Нильс, кивнув на книгу, лежавшую на столе. – Вы найдете там весьма исчерпывающее наставление. Убийце Викторссона не требовалось встречаться с Хоффманом – возможно, книги оказалось более чем достаточно.

– Вы слишком сильно верите в силу литературы, Гуннарссон.

Нильс пожал плечами.

– Или совпадения совершенно случайны, – продолжил Нурдфельд.

– Может, и так. Но жертва выросла на том самом острове, где сидит Хоффман, а это кажется чуть больше, чем совпадение. Не так ли?

Комиссар прищурившись посмотрел на него.

– Хотите туда поехать, Гуннарссон? Или мне послать кого-нибудь другого?

– Сам поеду, – решительно заявил Нильс.

– Хорошо. Я не хотел бы пока широко распространяться об этом. Карантинные правила на острове все еще действуют. Это означает, что там не может оказаться кто угодно. Туда можно попасть только на катере самой станции и с разрешения Кронборга.

– Я с ним поговорю, – пообещал Нильс.

– Что вы сказали ему о расследовании?

– Ничего. Сказал только, что мы занимаемся расследованием преступления.

– Хорошо. Пока этого достаточно. Если он потребует больше информации, придется сообщить ему, что речь идет об убийстве. Но не говорите ничего о личности убитого.

* * *

Нильс прислонил свой велосипед к железной решетке. Зайдя в дверь, поднялся по мраморной лестнице, покрытой красной дорожкой, на третий этаж, где располагалась практика доктора Кронборга.

На этот раз он не был единственным из ожидавших в приемной. Вдоль стен сидели несколько хорошо одетых дам, рассеянно листая журналы. Нильс тоже сел и стал терпеливо ждать своей очереди.

– Ужасная жара, не правда ли? – произнесла пахнущая лавандой дама рядом с ним. – При жаре голова у меня болит в сто раз сильнее. Как будто в нее забивают раскаленные гвозди... Доктор Кронборг рекомендовал воздухолечение, и мы с мужем весь июнь провели в Целль-ам-Зее. Потрясающее место. Вы там не были? Стоит попробовать. Альпийский воздух – лучшее лекарство. Мою головную боль словно ветром сдуло на то время, пока мы там были. Но ведь нужно когда-то и домой возвращаться... – Она вздохнула и грустно посмотрела на Нильса. – Я попрошу доктора выписать мне такие порошки, чтобы хотя бы спать по ночам. Доктор Кронборг – лучший врач в городе, не правда ли? Я его всем своим знакомым рекомендую.

Нильс согласно кивнул. Тут, к счастью, подошла его очередь.

– Опять вы! – раздраженно воскликнул доктор Кронборг, когда Нильса впустила медсестра. – Если речь идет о Лео Брандере, то я могу лишь повторить сказанное вчера: я не разглашаю информацию о своих пациентах. Я обязан хранить врачебную тайну, и вы должны уважать это. А теперь вам надо уйти. – Он отмахнулся рукой. – У меня приемная полна больных людей, и на вас нет времени.

Нильс спокойно подошел к письменному столу.

– Я буду краток, доктор. Вам не нужно нарушать врачебную тайну. Мы уже знаем, кто такой Лео Брандер. И где он находится. Единственное, чего я прошу, – это взять меня на Бронсхольмен.

Доктор смерил его ледяным взглядом.

– И что вы там будете делать?

– Хочу посмотреть на Арнольда Хоффмана, выяснить, как там все устроено. Мой шеф хочет удостовериться, что преступник как следует изолирован.

Доктор отклонился назад, скрестив на груди руки, похоже, размышляя над тем, как ему реагировать.

– Ладно, – сказал он наконец. – Вы съездите туда, и покончим на этом. Но ехать вам без меня нельзя. Я до сих пор являюсь карантинным врачом, а правила на острове очень строгие. Мои посещения Бронсхольмена проходят по средам, то есть ближайший день – послезавтра. Можете присоединиться. Приходите к пирсу Трэпирен в семь утра. Теперь вы довольны?

* * *

Нильс спал плохо. Долгие годы ненормированной работы переутомили его мозг, так что теперь он не видел разницы между днем и ночью и постоянно пребывал в состоянии тревожной бдительности.

Одновременно страшно усталый и бодрый, Нильс крутился в постели, а мысли его становились все более странными и мрачными, как при бессоннице. Наконец он сделал то, что обычно делал такими ночами: встал, зажег лампу и вынул обувную картонку, где хранил письма от Эллен. Он столько раз перечитывал их, что помнил почти наизусть.

Поверх писем лежала свернутая газета с репортажем Эллен, как пошла на снос Юбилейная выставка. Заметка была опубликована незадолго перед тем, как девушка уехала в школу домоводства.

Усевшись за кухонный стол, Нильс развернул газету и прочитал о пустынной территории выставки, куполах, разбитых безжалостными стальными шарами, обрушенных башнях, валяющихся в снегу.

«Трудно представить себе, что этот сказочный город со своими изящными зданиями лежит теперь в руинах. Весной, когда открывалась выставка, он представлялся мечтой. И мы тогда начали верить в мечту, и она стала такой реальной, что воспринималась как нечто должное. А теперь оказалось, что это

всего лишь мечта. Она и не должна была длиться долго. Летом мы увидели эту феерию. Теперь все закончилось, и нам нужно возвращаться к серой реальности.

Но мы уже не такие, как прежде. Мечта изменила нас. Возможно, в этом и состоит ее смысл?»

Уже прошла половина ночи. Соседи по другую сторону тонкой межквартирной стены, наверное, крепко спали. Но если б они случайно проснулись и услышали тихий печальный звук, то подумали бы, что это ветер воет в неплотно закрытом окне или пищит крыса, попавшая в мышеловку. Потому что никто, даже в самой дикой фантазии, не мог представить себе, что старший констебль Гуннарссон способен плакать.

8

Денек выдался отличный. Небо было ясным, если не считать крошечного, как тряпочка, облачка; оно одиноко висело наверху, в голубом пространстве, словно заблудившийся маленький призрак из другого мира.

Движение по реке уже шло полным ходом. Доктор Кронборг стоял на причале; на нем были светлый льняной костюм и соломенная шляпа.

– Доброе утро, старший констебль, – приветствовал он. – Отличная погода для прогулки на катере, не так ли?

Он показал на удлиненный изящный моторный катер, обшитый красным деревом, пришвартованный между белыми пассажирскими парходиками. У руля стоял молодой человек в матросской шапочке и щурился на солнце.

– Сегодня со мной гость, Артур, – прокричал доктор. – Старший констебль Гуннарссон из уголовного розыска. Он хочет проверить, хорошо ли мы себя ведем и следуем ли правилам.

Молодой человек широко улыбнулся. Было заметно, что делает он это часто. Морщинки вокруг его глаз обозначились тонкими лучиками на загорелом лице.

– Добро пожаловать на «Эйру»! – крикнул он Нильсу. – Осторожнее, палуба скользкая.

– Какое утро! – восхищенно воскликнул доктор Кронборг, когда они вышли из входа в гавань. – А что, Артур, море и дальше будет таким же спокойным?

– Как зеркало, всю дорогу, доктор, – заверил тот со своего места.

– Этим мы обычно не избалованы, – заметил доктор.

Артур прибавил ходу, и катер рванул вперед как стрела. Они проплывали мимо шхерных лодок и прогулочных парусников; народ махал им, а доктор в ответ размахивал шляпой. Такое ощущение, что они плыли на пикник куда-то на пляж, а не в неприступную тюрьму, где сидел самый опасный в стране убийца.

– Потрясающий катер! – прокричал Нильс шкиперу. – Какая у него скорость?

Артур обернулся со своего места у руля и гордо рассмеялся.

– Легко доходит до двадцати узлов![6 - Т. е. до 37 км/ч.]

Они миновали большие острова – и перед ними до горизонта открылось море. Далеко впереди в солнечном блеске можно было различить Бронсхольмен – невзрачную тонкую полоску суши. Но когда они оказались ближе, остров поднялся из воды и приобрел очертания, а вскоре стали видны скалы, зелень и строения.

У залива стояли рядом два одинаковых больничных здания. Их попорченные погодой фасады отвесно спускались к воде. Слева от них стояло складское помещение с каменным причалом, где одиноко торчала старая рыбацья шхуна. Большая вывеска «Карантинная станция. Посторонним швартоваться запрещено» была закреплена на скалистом камне у входа в заливчик.

Шкиперу, похоже, было наплевать на причал; сбавив ход, он направился к одному из больничных зданий. Лишь только Нильс подумал спросить его, что это он делает, как заметил низкую арку в каменном фундаменте. Медленно-медленно лодка скользнула под ее свод, словно была проглочена большим ртом.

На секунду вокруг них стало прохладно и темно, а затем они оказались в помещении побольше, в чем-то вроде лодочного ангара под зданием больницы.

– Этот проход требует навыков бывалого капитана, – заметил Нильс, выбираясь на небольшую каменную платформу, обрамлявшую водную часть лодочного помещения.

– Пустяки, если вода стоит низко, – ответил Артур. – А вот когда вода высокая и штормит...

– Необычное место, – пробормотал Нильс, оглядываясь.

Солнечный свет просачивался сквозь оконца в каменных стенах и через арку, под которой они прошли. Кроме их катера, внутри была пришвартована пара плоскодонок. Хлюпанье воды отдавалось эхом, как голоса мятущихся духов. У Нильса было ощущение, что он находится в пещере.

Старший констебль глянул вверх, на балки и доски, составлявшие потолок помещения и одновременно пол больницы. В сумраке ему показалось, что он заметил вырезанный прямоугольник.

– Правильно ли я понял, что там, наверху, люк? – спросил он.

Доктор проследил за его взглядом.

– Верно. Острое же у вас зрение...

Пока Артур выгружал ящики с продуктами, Кронборг продолжил рассказ.

– Раньше этим путем сюда попадали зараженные. Они доставлялись с кораблей на гребных лодках, а затем их поднимали на парусиновых люльках через люк в приемную наверху. Там больных погружали в ванну, раздев с помощью специальных захватов и режущих инструментов на длинных ручках. До заразных нельзя было дотрагиваться. Больничные дежурные были одеты в клеенчатую одежду и мыли руки уксусом. Правила гигиены были строжайшие. До некоторой степени персонал следует им до сих пор, вы заметите это. Здешние люди очень консервативны, это у них в генах. Я ничего не имею против такого настроения.

Наоборот: бдительность, неукоснительное соблюдение правил и хорошо отработанные меры безопасности идеально соответствуют нынешней ситуации, вы увидите это.

Доктор поднялся по лестнице в конце платформы; Нильс последовал за ним. Они вышли с другой стороны больницы. После сумрака лодочного ангара свет казался ослепительным, и Гуннарссон приложил ладонь козырьком к глазам.

– Где находится Хоффман? – спросил он.

– В корпусе для обследований, – ответил доктор и показал пальцем в сторону здания-двойника. – Там безопасность получше.

Он продолжал объяснять, пока они шли вдоль залива.

– Это связано с прежней специализацией карантинной станции. Пациенты чумной больницы – той, куда нас сначала доставили – были действительно больны, и у них не имелось ни желания, ни сил бежать. В корпус для обследований помещали тех, кто не проявлял симптомов болезни, но должен был содержаться в карантине. Большинство из них были здоровые и сильные матросы, с нетерпением ждавшие возможности зайти в порт после долгого плавания. Если их не держали под строгим контролем, они сбегали. Кстати, знаете ли вы, что слово «карантин» происходит от итальянского карантен, означающего сорок дней? В пятнадцатом веке именно столько держали в изоляции корабли, прибывшие в Венецию, дабы удостовериться, что на борту нет зараженных чумой.

– Я и не знал... Но сейчас мы уходим от корпуса для обследований, – заметил Нильс. – Вы разве не покажете мне камеру Арнольда Хоффмана?

– Скоро мы его навестим, – заверил доктор. – Но сначала я хотел показать вам остров, раз уж мы здесь. Это не отнимет много времени. Да и погода изумительная... Затем мы пообедаем в домике шефа. Я обычно так делаю, когда приезжаю сюда. Я попросил Артура известить на кухне, что со мной гость.

Они покинули карантинную зону у залива и пошли по хорошо протоптанной тропинке, шедшей между валунов и небольших рощиц низкорослых деревьев и кустарников. Нильс удивился зелени, укоренившейся здесь, посреди моря.

– Но деревьев тут немного, – пояснил доктор, – и дрова приходится возить из города. В такое сухое лето, как нынешнее, нужно завозить еще и питьевую воду. Ну и, конечно, продукты. Сейчас, насколько возможно, мы пользуемся «Эйрой», моторным катером. Вот уж удача... Транспорт покрупнее – это «Белона», старая рыболовецкая шхуна, что мы видели у причала.

Доктор привычно лавировал между валунами. Он шел быстрым, легким шагом; щеки над поседевшей бородкой порозовели, и он казался на десять лет моложе, чем во время встречи с Нильсом в своей приемной. Высокомерие полностью исчезло. Он явно блаженствовал здесь, на острове.

Нильс обратил внимание, что доктор все время говорил мы, как будто относил себя к обитателям острова, хотя сейчас жил в городе, а его медицинская практика находилась на улице Линнегатан.

Жилища работников располагались на некотором удалении от моря. Это были уютные, но в неважном состоянии домики, окруженные яблонями, огородиками и старыми скотными дворами с провалившимися крышами.

Мужчина, копавший картошку, недоверчиво покосился на Нильса.

– Сегодня нас посетил старший констебль Гуннарссон, – сказал ему доктор.

Мужчина поставил лопату, снял фуражку и преувеличенно низко поклонился, а затем, не издав ни слова, продолжил выкапывать картофелины в диком темпе, как будто ему нужно было добраться до центра земли, а не до клубней.

– Местные не привыкли к посетителям, – объяснил доктор, когда они немного отошли. – Для них незнакомцы – потенциальные носители заразы. Будьте снисходительны к их желанию держать дистанцию.

– Сколько работников живет на острове? – спросил Нильс.

– Чуть больше двадцати. Раньше их было намного больше.

– А вы не знакомы с семьей по фамилии Викторссон?

Доктор остановился и удивленно уставился на Нильса.

– С чего это вы спрашиваете?

– Вопросы сейчас задаю я, доктор.

Кронборг рассмеялся.

– Охотно вам отвечу. Никаких Викторссонов здесь давно нет. Но мне знакома эта фамилия. Муж был карантинным кучером, так это раньше называлось. Он давно умер, еще до моего появления здесь. Жена пережила его и умерла несколько лет назад. Она из тех, кто прожил здесь всю жизнь, ни разу не покинув остров. Похоронена рядом с мужем на здешнем кладбище. Мы, кстати, сейчас как раз рядом с ним.

Небольшое кладбище лежало в зеленой низине и было обрамлено самыми высокими лиственными деревьями, какие Нильс видел на острове. Он попытался представить себе жизнь, в которой Бронсхольмен был всей вселенной. Угроза вынужденного переезда отсюда, должно быть, воспринималась как падение в бездну темного космоса.

– У них были дети? – спросил он, глядя на надгробие Викторссонов, поросшее мхом. Имя мужчины почти стерлось, но имя жены можно было прочесть.

– Сын и дочь, – медленно произнес доктор, глядя на надгробие. – Оба перебрались в город, как только повзрослели. Бронсхольмен немного может предложить молодым... – Он повернулся к Нильсу; на его лице мелькали тени от листьев. – Ваши вопросы, старший констебль, удивляют меня. Они имеют отношение к вашему расследованию?

– Может, да, а может, нет... Пока не знаю, – ответил Гуннарссон.

Они продолжили прогулку вокруг острова, миновав несколько небольших бухточек и выйдя к каменистому выступу, где тропинка заканчивалась и им пришлось перебираться через валуны. Вдали, на самом высоком месте острова, была видна наблюдательная башня. Перед ними расстилалось море, сияющее и бесконечное.

– Ну вот такой он, остров, – сказал доктор, когда они вернулись обратно на восточную сторону острова. – А теперь, надеюсь, нас ждет вкусный обед.

Нильс вдруг почувствовал, как проголодался.

* * *

Дом шефа оказался деревянным белым строением, в архитектуре которого чувствовалось что-то неуловимо военное. Когда-то он, конечно, выглядел красивым и респектабельным, но сейчас краска свисала клочьями, флагшток во дворе покосился, а на замшелой крыше недоставало нескольких черепичных плиток.

Внутри ощущался неприятный запах – дом был явно поврежден сыростью. Стены при входе были из того же темного дерева, что и лестница с перилами. Нильс не мог понять, было ли дерево какой-то заморской экзотикой или просто-напросто потемнело от влаги и времени.

В столовой висели портреты мужчин с серьезными лицами – одни в военной форме, другие в костюмах. Важные персоны из прошлого карантинной станции, предположил Нильс. Посреди комнаты стояла девушка-прислуга в белом переднике. Она, сделав книксен, опустил взгляд.

– Добрый день, Мэрта, – поздоровался доктор. – Вот и мы, старший констебль и я. Будь добра, скажи начальнику карантина, что мы готовы садиться за трапезу.

Они сели за покрытый скатертью стол. Тотчас появился худощавый пожилой мужчина, одетый в двубортный мундир с галунами, почти как у капитана корабля. Мундир был в пятнах, одной из латунных пуговиц недоставало. Доктор быстро представил их друг другу:

– Капитан Рапп, наш начальник карантина. Старший констебль Гуннарссон.

Начальник, что-то неразборчиво пробормотав, сел.

В дверной проем из кухни выглянула женщина постарше. Она передала супницу девушке-прислуге с обветренными руками. Когда та наливала суп в тарелку

Нильса, он почувствовал, что от нее исходит резкий запах. Доктор заметил его реакцию.

– Работники до сих пор моют руки уксусом, – объяснил он, когда девушка вернулась на кухню. – Разумеется, это несколько не помогает против бактерий, но старые привычки неистребимы...

Суп был овощной, очень вкусный, но слишком пряный.

– Избыток специй – тоже наследие прошлого, – продолжал доктор. – Сначала мне было трудно, но потом я привык. Зато никогда не простужался, когда жил здесь, несмотря на высокую влажность, холод и ветер; это факт.

– Сколько времени вы работали карантинным врачом?

– Я приехал сюда восемнадцать лет назад. В последние годы живу и работаю в городе, но Бронсхольмен остается под моим надзором.

– А вы, капитан Рапп?

Начальник карантина подскочил так, что суп выплеснулся из его ложки. Похоже, он был удивлен, что к нему обратились.

– Сколько лет вы здесь проработали? – снова приветливо спросил Нильс.

Старик молча посмотрел на него водянистыми глазами. Доктор ответил за него:

– Капитан Рапп здесь уже много лет. Он был начальником карантина еще когда я сюда приехал. Не правда ли, Рапп?

Тот невнятно пробурчал что-то в ответ. Есть какая-то потерянная в его взгляде, подумал Нильс. Слишком стар для такой работы. Но поскольку станция была в целом закрыта, заменить его не потрудились.

Пока прислуга убирала суповые тарелки и вносила поднос со свинными отбивными, доктор с энтузиазмом рассказывал о славных годах на станции, когда в заливе на якоре стояли иностранные грузовые суда, а оба больничных

блока были заполнены до отказа.

– А сейчас заботы только об Арнольде Хоффмане, – заметил Нильс и улыбнулся прислужнице, обносившей его соусом.

При упоминании этого имени ее обветренная рука задрожала, и из соусника на тарелку старшего констебля закапал соус.

– Хоффмане? – повторил начальник карантина, подняв сонный взгляд от своей тарелки. Это было первым, что Нильс услышал от него за время обеда.

На секунду установилась тишина.

– М-да... «Только» – вероятно, не совсем правильное слово, – сухо заметил доктор и вернулся к изложению славного прошлого карантинной станции.

Капитан Рапп ел отбивную, тщательно пережевывая; глаза его были пусты.

Вскоре Нильс прервал рассказ доктора:

– А вам приходилось когда-нибудь иметь дело с чумой?

Доктор Кронборг улыбнулся, словно этот вопрос позабавил его.

– Вы про то, что одно из зданий – чумная больница, а остров называется Чумным?.. Нет, слава богу. Моряки привозили с собой уйму всякой гадости: сыпной тиф, оспа, холера, испанка... Да, эта станция поистине оправдала себя. А чума? Нет. – Доктор решительно покачал головой. – Хотя, – добавил он с шаловливым блеском в глазах, – у меня до сих пор хранится небольшой запас серы[7 - Окуривание серой применялось как эффективное средство дезинфекции в случае распространения чумы.], использовать которую я страшно боюсь. Но ведь никогда не знаешь, что еще может случиться... Если хотите знать мое мнение, то упразднение карантинной станции – большая ошибка.

– Вы не считаете, что она уже сыграла свою роль?

– Ни в коем случае, – заявил доктор, не вдаваясь в пояснения.

Когда обед закончился, начальник карантина поплелся из столовой, что-то бормоча. Нильс заметил, что на ногах у него домашние тапки. Это выглядело забавно в сочетании с мундиром.

- Не порицайте его, - заметил Кронборг, - ему уже семьдесят четыре года.

- А теперь идем к Хоффману, не так ли? - спросил Нильс.

- Разумеется, - согласился доктор, поднимаясь. - Теперь - к Хоффману.

* * *

Снаружи корпус для обследований выглядел в точности так же, как чумная больница, если не считать решеток на окнах.

Внутри вокруг стола сидели несколько охранников, одетых в столь же старые мундиры, как и начальник станции, но попроще, мешковатые, плохо сидящие и с обтрепанными обшлагами. Поношенная униформа - бессмыслица сама по себе, подумал Нильс. Мундир должен быть в отличном состоянии, чтобы вызывать уважение у окружающих. Иначе лучше вообще без него.

Один из охранников быстро спрятал что-то под столом, и по их виноватому виду Нильс догадался, что они играют в карты.

- Это старший констебль Гуннарссон из криминальной полиции, - внушительным тоном произнес доктор. - Сегодня он пройдет к нашему пациенту. Надеюсь, не возражаете?

- Конечно, доктор, - хором ответили охранники.

Двое из них поднялись и быстро встали по бокам Нильса; связки ключей позвякивали о резиновые дубинки, закрепленные на ремне.

- Тогда пошли, - сказал Кронборг.

В сопровождении охранников Нильс и доктор миновали тяжелую дубовую дверь с несколькими замками и продолжили подниматься на второй этаж. С лестничных пролетов были видны спальни; солнечный свет растекался по холодному деревянному полу и пустым железным кроватям.

На самом верху, на третьем этаже они прошли еще одну запертую дверь и, наконец, зашли в узкий коридор. Доктор повернулся к охранникам.

– Будьте добры, покажите пациента старшему констеблю.

Один из них отпер и потянул на себя дверцу люка в левой стене. Дневной свет устремился в проход, и стала видна решетка. Доктор отступил назад и жестом показал Нильсу, что можно подойти к ней.

Гуннарссон увидел большую холодную комнату с побеленными стенами и высоко размещенным окном, изнутри забранным решеткой. Возможно, раньше это была комната для нескольких пациентов. Единственной мебелью служили нары, крепившиеся к стене двумя железными цепями. На нарах сидел широкоплечий великан метров двух ростом, похожий на быка, с массивной головой и запущенной рыжей бородой. Он неподвижно уставился на какую-то точку в полу.

– Раньше у него было больше мебели, но он всю ее разломал, – тихим голосом произнес доктор. – Вот там, за перегородкой, – он указал на дальний угол комнаты, – есть нужник. Четверо охранника крепко держат пациента, пока пятый выносит парашу.

Нильсу пришел на память носорог, которого он однажды видел в копенгагенском зоопарке, – апатичный, но с тлеющей злобой внутри покрытого толстой шкурой тела.

– Где же он пишет свои книги? – спросил Нильс.

– Там, где сидит. На нарах. У него есть доска для письма. Вот такая.

Доктор кивнул одному из охранников, открывшему замок и выдвинувшему ящик под решеткой.

– В ящик кладут то, что требуется, – еду, лекарства, доску для письма, книги – и выдвигают к пациенту. Потом он может вернуть ее, задвинув назад.

Нильс рассматривал ящик и заключенного по другую стороны решетки.

– Неужели он пишет свои книги здесь? – воскликнул он, пораженный.

– Конечно. – Доктор повернулся к полке на стене и достал доску для письма и карандаш. – Охранники выкладывают ему письменные принадлежности утром и забирают вечером. Исписанную бумагу они хранят в комнате охраны, а я беру ее во время своих посещений.

– И здесь он написал «Красный шарф»?

– «Красный шарф», «Убийство в полнолуние» и другие бестселлеры, – подтвердил доктор. – Через сочинительство он дает выход своей агрессивности. И чем больше пишет, тем спокойнее становится. В последние годы приступы у него стали значительно реже.

Нильс снова посмотрел на сидевшее на нарах чудовище, с виду безразличное к наблюдателям по другую сторону решетки. Прищуренный взгляд по-прежнему прикован к одной и той же точке на полу... Неужели это действительно Лео Брандер, автор популярных детективов? Трудно было в это поверить. Нильс вспомнил, что ему сказал доктор: «Вы совершаете обычную ошибку, отождествляя писателя с его произведениями».

Он повернулся и спросил:

– Бывают ли у Арнольда Хоффмана другие посетители, кроме вас?

– Нет, визиты к нему запрещены, и я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь хотел его посещать.

– Вы обычно заходите к нему или все контакты происходят через решетку?

– Я, естественно, захожу к нему вместе с охраной, обследую его, лечу. Ведь я – врач, а он в свое время нанес себе несколько повреждений... Но вам я не

рекомендую заходить внутрь. Незнакомый человек может вызвать у него тревогу. Мне кажется, он уже начинает чуть-чуть беспокоиться...

Нильс не наблюдал никаких признаков этого. У Хоффмана был совершенно отсутствующий вид. Но, очевидно, доктору виднее.

– Если вы увидели то, что хотели, лучше, наверное, будет уйти.

– Разумеется.

Таким облегчением было выйти наружу, на солнечный свет и свежий соленый воздух! Поднялся небольшой ветер; веревки, казалось, нетерпеливо постукивали об флагштоки.

– Прежде чем мы вернемся в город, я хотел бы иметь полный список фамилий всех охранников, имеющих доступ к Хоффману, а также даты их рождения, – попросил Гуннарссон.

– Это легко сделать, – согласился доктор. – Подождите минутку.

Он пошел в дом начальника и вскоре вернулся с бумагой, которую протянул Нильсу.

– Все они отличные профессионалы. Изоляция и контроль – это своего рода искусство, и никто не владеет им лучше, чем персонал карантинной станции.

Нильс сложил бумагу и убрал ее во внутренний карман.

Доктор повернулся к шкиперу, стоявшему на газоне перед домом начальника с сигаретой в руках.

– Старший констебль и я готовы отправляться.

– А я готов к отплытию когда угодно, доктор. – Артур выбросил сигарету на землю и затушил ее носком ботинка, широко улыбаясь.

Секундой позже доктор и Нильс прошли с задней стороны больничного здания вниз по лестнице к лодочному ангару, где Артур заводил мотор.

Когда они уже были готовы подняться на борт, на лестнице послышались торопливые шаги. Нильс обернулся. По платформе к ним бежала девушка с шалью на плечах.

– Подождите, доктор! – запыхавшись, крикнула она.

Доктор не проявил никакого желания слушать ее. Вместо этого он повернулся к Артуру и велел ему поторопиться с мотором.

– Пожалуйста, позвольте мне поехать с вами в город! – громко попросила девушка, пытаясь перекричать мотор. – У меня сегодня вечером выходной.

– Возвращайся домой, Мэрта! – зло крикнул доктор и показал на лестницу. – Нечего тебе делать в городе.

Теперь Нильс узнал эту девушку. Она прислуживала им за обедом в доме начальника станции.

Помещение заполнили бензиновые пары, и доктор закашлялся.

– Но у меня выходной, – повторила Мэрта. – Мне нужно лишь кое-что сделать, и я вернусь обратно с Артуром.

Мотор уже мерно заработал, и шкипер приготовился отплыть.

– Разве она не может поехать с нами? – сухо спросил Нильс доктора. – Ведь в катере есть место.

Девушка с благодарностью посмотрела на него и чуть приблизилась, словно бездомная собака, ищущая хозяина.

– Ладно, – сухо произнес доктор. – Давайте уже отправимся, пока не задохнулись.

Все трое поспешно забрались в лодку и уселись на скамьи – доктор и Нильс лицом друг к другу, а девушка рядом с Нильсом. Катер медленно проплыл под аркой и вышел в бухту. Артур прибавил ходу – и словно взлетел над водой.

Девушка сидела лицом к носу лодки. Глаза ее были закрыты, она наслаждалась свежим ветерком. Нильс различал неприятный запах уксуса, исходивший от ее тела.

Доктор сидел молча, морщась от недовольства; солнечные блики вспыхивали на золотой оправе его очков.

Гуннарссон, подавшись к девушке, попытался заговорить с ней, но та резко отвернулась, притворившись, что не слышит его. В этот момент ветер приподнял ее шаль, обнажив область возле ключицы. Мэрта тут же натянула шаль обратно на плечи. Но за секунду Нильс смог разглядеть темные, почти черные синяки, скрывавшиеся под шалью.

Во время всего плавания она сидела в одной и той же позе, с лицом, подставленным ветру, неподвижная, как гальюнная фигура[8 - Гальюнная фигура (носовая фигура) – украшение на носу парусного судна; устанавливалась на гальюн (свес в носовой части судна)]. Когда катер подплыл к пирсу Трепирен в Гётеборгском заливе, девушка уже вскочила на ноги. Артур еще толком не пришвартовался, а она уже спрыгнула на берег и бросилась бегом по пирсу и дальше между автомобилями и телегами. Доктор закричал ей вслед, но она быстро исчезла за углом на другой стороне улицы.

– Куда-то явно торопится, – заметил Нильс.

Кронборг озабоченно покачал головой.

– Надеюсь, она вернется... Молодых так и тянет в город. Но на острове их жизнь надежна, а о городской они ничего не знают. Для неопытной девушки дело может кончиться плохо.

Артур придержал катер, и они сошли на сушу.

– Ну что же, – продолжил доктор на пристани, – надеюсь, вы довольны своей поездкой на Бронсхольмен.

– Это оказалось очень интересно. Так любезно было с вашей стороны взять меня с собой...

– Не стоит благодарности, – сердечно произнес доктор и пожал протянутую Нильсом руку. – Удачи вам в расследовании. Надеюсь, найдете след получше.

Внезапно он посерьезнел, подошел на шаг ближе к старшему констеблю и негромко произнес:

– Кроме меня, вы единственный, кто знает об истинной личности Лео Брандера. Надеюсь, вы оставите это знание при себе.

– У меня нет никаких причин раскрывать что-либо, имеющее отношение к расследованию, – ответил Нильс.

Доктор, казалось, хотел сказать что-то еще. Но, увидев такси, махнул водителю и быстро распрощался.

Нильс отыскал свой велосипед, оставленный немного дальше на пирсе, поставил одну ногу на педаль, перекинул вторую через седло и покатил вдоль канала Стура-Хамнканален.

9

На перекрестке у Бруннспаркена стоял полицейский в униформе, регулируя движение транспорта размашистыми, четкими движениями. Нильс издали увидел, что это констебль Мольгрэн, один из группы честолюбивых полицейских, участвовавших в поездке в Лондон.

Хотя количество автомобилей в Гётеборге в последние годы быстро выросло, в полиции не велось никакого обучения регулировщиков. Полицейских просто размещали на самых оживленных перекрестках, и они выкручивались как могли,

пытаюсь упорядочить хаос из автомобилей, лошадиных повозок и трамваев. Каких-то общепринятых знаков регулирования не существовало, так что каждый полицейский пользовался своим собственным языком жестов, что часто приводило к непониманию и инцидентам. Поскольку начальство не проявляло интереса к существующей проблеме, полицейский Клуб иностранных языков по собственной инициативе организовал для отобранных сотрудников учебную поездку в Лондон – мекку дорожной полиции. Поездка проводилась во время отпусков и оплачивалась из личных средств, ибо руководство не захотело тратить на нее ни эре. Позже начальник полиции присвоил себе эту честь и похвастался в печати, что его подчиненные прошли эксклюзивное обучение регулированию дорожного движения в Лондоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Сэвил-роу – улица в Лондоне, на которой исторически расположены самые модные и дорогие ателье по пошиву мужской одежды.

2

Гётеборг праздновал 300-летнюю юбилей в 1921 г.

3

«Оддфеллоуз» – международный нерелигиозный орден, изначально зародившийся в Англии в середине XVIII в. (в Швеции – с 1884 г.) и отстаивающий гражданские свободы и промышленно-торговые льготы для общества в целом.

4

Брюно Андреас Лильефорс (1860–1939) – шведский живописец-анималист, портретист и пейзажист.

5

Карл Улоф Ларссон (1853–1919) – знаменитый шведский художник, считающийся одним из самых значительных живописцев своей страны.

6

Т. е. до 37 км/ч.

7

Окуривание серой применялось как эффективное средство дезинфекции в случае распространения чумы.

Гальюнная фигура (носовая фигура) – украшение на носу парусного судна; устанавливалась на гальюн (свес в носовой части судна).

Купить: https://tellnovel.com/hermanson_mari/chumnoy-ostrov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)